

Александр ЗИБОРОВ

Пояс Перуна

1. Зачарованная планета

2. Витязь познания

Фэнтези - Необыкновенные и удивительные приключения - Боевик

16+

Александр Зиборов

Пояс Перуна

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=46768424

SelfPub; 2021

Аннотация

Удивительные и необыкновенные приключения на чужих планетах и в иномирье. В состав романа «Пояс Перуна» входят две книги – «Зачарованная планета» и «Витязь познания»...

Содержание

Книга первая. Зачарованная планета	4
Вместо пролога. Загадка космоса	4
Глава 1. На Ирии	15
Глава 3. Портовый город Кардаган	43
Глава 4. Великое море	48
Глава 5. «Атлантида» Ирия	57
Глава 6. Сражение гигантов	63
Глава 7. В тюрьме	72
Глава 8. На свободе	84
Глава 9. Большой фокусник	100
Глава 10. Снова арест	117
Конец ознакомительного фрагмента.	122

Александр Зиборов

Пояс Перуна

Книга первая.

Зачарованная планета

Вместо пролога. Загадка космоса

– Спасатель планет, привет!

Я спешил на ковёр к начальнику, а потому только дружески кивнул Косте, работнику архива, и двинулся дальше по коридору главного управления Космопола.

Это шутовское прозвище я получил от своих друзей и коллег после последнего задания. В этой шутке была только небольшая доля шутки: тогда я действительно спас планету в созвездии Гончих Псов. Тамошние злодеи намеревались изменить её орбиту таким путём, чтобы она направилась в сторону звезды и прекратила своё существование, тем самым скрыв следы ужасных преступлений. При этом могла погибнуть тамошняя самобытная цивилизация.

После возвращения на Землю мне дали отдохнуть пару недель на Валааме, который я очень любил. Но как обыч-

но вызвали из отпуска досрочно, я не догулял почти четыре дня. Пришлось возвращаться в Самару, в Космопол. Подлетая к его центральному зданию на авиетке, сверху увидел спортивный стадион «Самара арена», похожего на гигантский алмаз, случайно брошенный великаном. Там как раз проходил принципиальный футбольный матч двух волжских команд – наших «Крыльев Советов» с «Нижним Новгородом». Вдохнул, что досмотреть его концовку не смогу даже по телевизору, ибо авиетка приземлилась, и пришлось его выключить.

В приёмной начальника встретил Криса Саленко. Мы оба работали в отделе, которого официально не существовало, до такой степени он был засекречен. О его названия, понятно, умолчу, просто не могу, не имею право: что это за секретность, если говорить о ней каждому встречному и поперечному. Нельзя сказать, что мы с Крисом были друзьями, наши отношения больше преимущественно деловыми, формальными. Скорее мы уважали друг друга, ценили профессионализм каждого. Это было не удивительно, нас называли лучшими, работали мы по особым заданиям. Каждый хотел опередить другого и стать самым-самым. Хотя бы негласно. Скрытое соперничество мешало проявлениям симпатии, в осадок выпадало лишь взаимное уважение.

Я сразу понял, что Крис тут далеко не случайно. Значит, дело предельно ответственное и руководство ещё не определилось с решением, кого из нас выбрать. Правда, имелся

вариант совместной командировки, но крайне маловероятный. Такое случилось не только не каждый год, но даже и не каждое десятилетие: работники нашего калибра – изделия штучные, образно говоря, дорогостоящие, пускать в дело сразу двоих – непозволительная роскошь.

Крис иронично приветствовал меня:

– А, спасатель планет, Алекс. Алекс Лоб.

Это была его традиционная шутка. На самом деле я – Алексей Лобин.

Мы обменялись рукопожатием. Я похвалил его за умелые действия на Пандоре.

– Слышал о твоих подвигах. Придуманной тобою финт с хроноклазмом вызвал у наших восхищение. Молодец!

Конечно, он показал себя там в истинной красе, но и я, как мне казалось, сработал бы не хуже. Но всё равно похвалу он заслуживал.

Крис ответить не сумел, ибо из-за стола секретарши вдруг вспорхнула к потолку, раскрывая клыкастую пасть, ужасная лжекобра с Миасса. Существует такая планета в туманности Андромеды. На ярком солнечном свете, который проникал в окно, лжекобра выглядела предельно устрашающе: махала полупрозрачными крыльями, раздувая пёстрый капюшон, с её огромных клыков капал яд. Им лжекобра снайперски точно плевалась почти на десяток метров. Спасти от неё было невозможно, она летала стремительно и кусала молниеносно. Даже простое попадание одной единственной ядовитой

капли на поверхность кожи грозило тяжёлой интоксикацией, а про большее и говорить не приходилось. Именно из-за этих тварей отменили колонизацию Миасса.

Крис среагировал мгновенно: отпрыгнул в сторону и оказался за дверью, рефлекторно хватаясь за то место на поясе, где обычно висел бластер, и приседая.

Я на мгновение оторопел, а затем громко рассмеялся. Крис недовольно посмотрел на меня. Конечно же, он принял смех в свой адрес. Затем, по-видимому, сообразил, спохватился и смущенно встал, делая вид, будто отряхивается.

Я взял со стола секретарши авторучку и бросил в готовящееся к смертельной атаке чудище. Авторучка пролетела сквозь неё и угодила в стену.

Лжекобра застыла на месте, по ней прошли волны, кожа её зарябила и она... исчезла.

– Это только ментоголограмма, хотя очень и очень правдоподобная, – прокомментировал я, всеми фибрами души радуясь, что не имел дела с живой тварью. Тогда бы всем нам было бы не до смеха.

– Лжекобры тут просто быть не могло, – заметил Крис, – она у нас не сумела бы выжить, ибо привыкла просто к чудовищной дозе ультрафиолета, без которой она жить не способна. Метаболизм у неё такой. А у нас тут с ультрафиолетом не густо. Увы, мои инстинкты опередили мысль.

– Действительно, ты прав. А я про ультрафиолет, признаться, даже не вспомнил.

– А как же ты тогда догадался, что она не настоящая? – недоумевающее спросил Крис.

– Какое-то мгновение у меня в мыслях царил сумбур, но тут я заметил, что она не оставляет тени. Лжекобра взлетела прямо у окна, её освещало яркое солнце, но тени она не отбрасывала, хотя сама очень большой величины и тень должна была оставлять соответствующую. Следом вспомнил, что лжекобра на Земле летать бы не смогла, на её планете гравитация вдвое ниже. Но это было потом, а сначала я обратил внимание на отсутствие тени...

– Хвалю за наблюдательность, – послышался одобрительный голос.

Только тут мы заметили, что дверь кабинета начальника открыта и в проёме стоит Батя.

– Да, с тенью вышла промашка, я сделаю выговор нашим мастерам, что нужно было предусмотреть и эту «мелочь». Но к вам это не относится. Заходите.

Мы прошли, дверь за нашими спинами скользнула и закрылась. Сели.

Батя сразу взял быка за рога:

– Как вы понимаете, «попугали» вас лжекоброй не случайно. Предстоит очень важная миссия. Эксперты признали вас наилучшими кандидатурами. Большого они сказать не смогли, по всем их тестам и соображениям вы оказались практически равны. Но послан должен быть один. Так что предстояло определиться, кто чуть более достоин. Вот и бы-

ло придумано ещё одно маленькое испытание голограммой лжекобры. Считайте это «фотофинишем». Надеюсь, я выразился понятно...

Крис посмотрел на Батю, затем на меня и согласно кивнул головой. Радости на его лице не имелось. Я ответил ему сочувственным взглядом. Кто победил, а кто проиграл – было ясно нам обоим.

Батя тут же подтвердил нашу очевидную догадку и назвал моё имя. На Ирий был послан я.

...Ирием называлась планета в созвездии Змееносца возле ничем не примечательного безымянного светила. Открыли её свыше полторы тысячи лет назад, но как-то упустили из внимания, а недавно выяснилось, что она обитаема. И не просто заселена, а заселена людьми, потомками землян, случайно залетевшими туда на российском звездолёте «Витязи Арконы» и потерпевшими крушение. С тех пор их численность сотен миллионов человек, ибо планета была действительно райской – с благодатным климатом, плодородной почвой, разнообразием природных ландшафтом, богатыми природными ресурсами. Потому они вспомнили о небесном рае в древней русской мифологии и соответственно назвали планету – Ирий.

Это сделали не случайно, а в силу того, что тамошние жители являлись потомками россиян, а потому говорили на несколько изменившемся, но довольно понятном русском языке. Его сумели изучить, перехватив ряд телепередач.

Глава планеты категорически отказался идти на какие-либо контакты и предупредил, что у него есть способы себя защитить, а в крайнем случае он может взорвать звезду. Несколько агентов группы «А», посланных на Ирий, бесследно пропали. Последнему дали возможность послать сообщение нам, в котором он подтвердил, что владыки планеты способны сдержать своё слово. Это заставило землян задуматься.

Вскоре выяснилось, что резко возросло количество спутников, вращавшихся вокруг Ирия. Дистанционное сканирование показало, что они несли военную аппаратуру. Конечно, ничего не стоило их всех уничтожить, но существовала опасность реализации угрозы – взорвать звезду, а тогда погибнет вся система, все обитатели планеты.

На такой риск пойти не решился. После долгих споров, было решено послать агента из той группы, которой «не существовало». Выбор пал на меня.

На первый взгляд задание было простым: проникнуть на планету, посмотреть и выяснить, кто там живёт, какое сообщество построено, реальна ли угроза уничтожения светила? Обычная разведка, сбор информации. Любой информации. Правда, в непростых условиях. О планете фактически ничего не известно. Как и возможности её властей. Приходилось только гадать, какие опасности могли меня там подстергать.

Меня удивило, что был дан приказ экипироваться по программе «суперА» и отправиться на Ирий в сопровождении

гиссла. Одновременно это меня обрадовало, я всегда любил работать с гисслами. Жаль, что это доводилось делать крайне редко, лишь в самых исключительных случаях. Руководство сочло, что на сей раз выдался именно такой.

Гисслы являлись, пожалуй, самым засекреченным открытием земной цивилизации за всё её существование и величайшей загадкой космоса. Их обнаружила одна из экспедиций в межгалактическое пространство. И с того дня нашим самым выдающимся умам приходилось часто вспоминать древнего мудреца Сократа, который говорил, что он знает лишь то, что ничего не знает. Это самое точное определение в данном случае. По сей день никто не может точно сказать – что такое гисслы? Разумны ли они? Из чего состоят? Какова истинная форма? Где пределы их уникальных возможностей, которые кажутся землянам почти божественными?..

Никакой определённости буквально ни в чём. Ну, абсолютно. Пытались учёные определить форму: оказалось, что гисслы могут принимать любую, по своему желанию и не говорят о первоначальной, истинной, словно скрывая или просто не понимая вопроса. Они способны рассыпаться песком, кристалликами, кусками предельно правильной формы, ромбиками или пирамидками, призмами и даже в облако пыли. Да чем угодно! Гисслы превращались в газ, плазму или затвердевали так, что никакой бур или лазер не способен был отделить хоть кусочек. Они могли стать невидимыми для смотрящих в упор людей, не дать себя фиксиро-

вать никакими средствами наблюдения, в том числе и самыми изощрёнными локаторами, радарными, сонарами, псидерами и другими. Земляне узнали, что гисслы легко управляют внутриядерными реакциями как в своих телах, так и в веществе, ими контролируемым. Трансмутация элементов была для них элементарным делом.

В той экспедиции, которая обнаружила их, гисслы спасли землян, снабдив потерпевших крушение на планете кислородом и провизией, сделанными из мусора, который выбрасывался за борт как отходы. Все анализы показали в высшей степени полную идентичность продуктов натуральным. Вдобавок полностью восстановили звездолёт до его лучших кондиций.

Пытались исследователи выяснить массу и предельные габариты гисслов. Ничего не получилось. Вывод был сделан такой: наиболее комфортно взрослые гисслы чувствуют себя, занимая объём от половины до трёх кубических метров. Правда, они могли сжаться до величины маковой росинки или стать огромной тучей длиной в несколько километров. Но на такое требовались дополнительные усилия и время.

С весом выявилась аналогичная неопределённость: никакие приборы не могли его измерить. Гисслы могли ничего не весить плавать не только в воде, но и в воздухе. Никакие научные законы им были нипочём, они свободно передвигались в космосе от одной звёздной системы к другой, а может быть даже и между галактиками, ведь нашли-то их

именно в таком месте! Последнему многие земные учёные просто отказывались верить. Гисслы, пренебрегая всеми законами природы, могли опускаться на планеты с самым чудовищным тяготением – например, на Чёрные дыры – и легко их покидать, хотя Гравитационные могилы захватывали даже свет и все виды излучений.

Энергию гисслы пополняли за счёт захваченной ими материи, всевозможных волн, излучений и ещё за счёт чего-то такого, о чём не ведала земная наука.

Особый разговор об интеллекте, разуме гисслов. Они были совершенно фантастичны (для человеческой цивилизации, конечно) и не поддавались пониманию, анализу, систематизации. Гисслы являлись природными телепатами и общались между собой на любых расстояниях, даже в тысячи и миллионы световых лет. С людьми у них это получалось куда хуже: только вблизи, в пределах визуальной видимости. Лучше всего сие происходило при прямом телесном контакте человека и гиссла. О чём они разговаривали между собой – никто не знал, а людям они только отвечали на вопросы, никогда не задавая их сами. Причём вопросы должны были быть предельно чёткими и ясными, абстрактные они словно не понимали. В частности, это тоже служило скептикам доводом для отрицания разумности гисслов.

Была оглашена совершенно абсурдная гипотеза о том, что гисслы – творения неведомой могущественной расы, вроде механизмов, роботов. Но ежели таковы гисслы, то какие же

те, кто их создал? Они должны были быть по своим возможностям равными всемогущим богам...

Удивительно, что после встречи с людьми гисслы не отказались последовать за ними на Землю. Как говорилось выше, помогли изготовить съестное и кислород, отремонтировать звездолёт, а в пути один из них, когда вышел из строя сложнейший прибор – синхропульсатор, стал им, иначе бы звездолёт никогда не вернулся в Солнечную систему.

Поразительно, но нашёлся один безумец, который провёл на гисслах испытания чуть ли не всех видов земной военной техники и даже бросил на одного мегамезонную бомбу. Она не причинила гиссле никакого видимого вреда. Но вдвойне удивительнее было то, что даже после этого они не изменили своего отношения к людям. Кто-то тогда пустил шутку: мало сыщется людей, которые всерьёз разобидятся на муравья, попытавшего стукнуть их своей лапкой. Похоже, образное сравнение являлось правдой: в отношении гисслов люди были просто муравьями, ежели даже не чем-то гораздо меньшим...

Глава 1. На Ирии

В четвёртый раз мне дали возможность поработать с гисслом. До этого наше сотрудничество не оставляло желать лучшего, вспоминал с неизменным удовольствием, и пре-
большим. Предвкушал такое и на будущее.

При встрече я сказал гисслу:

– Очень рад снова встретиться с тобой, дружище. А как ты, помнишь меня?

«Неопределённый вопрос», – последовал краткий ментальный ответ.

Я улыбнулся: эмоции были непонятны этим существам. А может быть, они у них были совершенно иными, не похожими на наши?

Кроме гиссла, мне было велено взять Пояс Перуна. Его выдавали только в самых исключительных случаях. Кстати, изготавливались подобные пояса при прямом участии гисслов. Делались они по совершенно немислимой прежде технологии и возможности их были соответствующими, чуть ли не сказочными.

+ + +

До созвездия Змееносца меня доставили на суперкрейсере «Десница». Далее гиссл по моей просьбе превратил себя в космический челнок и на нём я понёсся к Ирию. Ещё вдали от экзосферы планеты гиссл преобразился, во всяком случае

внешне, в метеорит, сохранив внутри для меня удобную кабину с великолепным круговым обзором. Была полная иллюзия полёта без всяких аппаратов.

Всё космическое пространство вокруг Ирия контролировалось владыками планеты, поэтому был избран такой способ проникновения.

Мы мчались к планете открыто, оставляя за собой далеко видимый след, как это бывает у крупных метеоритов. Метров за семьсот до поверхности гиссл образовал для меня отверстие, и я выскользнул наружу в энергоскафандре, который создал для меня Пояс Перуна. На всякий случай включив режим невидимости, по пологой траектории полетел, притормаживая, в сторону гряды скал и опустился рядом с ними на землю.

Гиссл же натурально врезался в землю, а потом принялся выбираться наружу, оставляя вместо себя изменённое им вещество, захваченное при спуске из атмосферы: оно превратилось в натуральный метеорит. Так я попросил гиссла накануне этого действия. Как всегда, он справился предельно хорошо. При перестройке вещества я просил учесть, что оно не должно походить на породы, характерные для Ирия. Это на тот случай, ежели кто вздумает провести самый дотошный анализ. Вдруг какой-то слишком настырный местный скептик вздумает проверить: что за метеорит здесь упал? Мне хотелось исключить даже малейшие случайности.

Позже я много раз похвалил себя за предусмотритель-

ность. Планета оказалась под тотальным контролем. Не успел я перевести дух, как Пояс Перуна сообщил мне о приближении техногенного летательного аппарата. Гиссл уже спешил ко мне. Он накрыл меня и стал совершенно неотличим внешне от скального выступа, у которого мы находились. Даже догадался сотворить для меня смотровые экраны, мне не пришлось его просить об этом. Он читал мои мысли и просить приходилось редко, достаточно было мысленно высказать свое пожелание.

К месту падения мнимого метеорита стремительно причалась военная аэролодка. В ней находилось шестеро вооружённых человек. Они с предельным рвением осмотрели кратер. С натугой извлекли лже-метеорит и с помощью крана водворили в свой летательный аппарат. Просканировали радарами и сонарами окрестность. Затем прочесали местность, держа наизготовку своё оружие.

Удовлетворившись осмотром, шестёрка забралась в аэролодку, она поднялась, описала несколько кругом, постепенно поднимаясь всё выше и выше. Один раз даже пронеслась над моей головой. Совершенно случайно, заметить меня они не могли. И не заметили.

Я был спокоен: даже если бы они попробовали исследовать превратившегося в скалу гиссла, то не обнаружили никакого отличие от соседних пород. Не нашли бы они и меня даже при самом пристальном сканировании: не знаю как, но гиссл и умел влиять и на различные волны. Возможно, те

просто обтекали пустоты, показывая монолитность породы. Похвалил себя за предусмотрительность, за то, что замаскировался по полной программе, хотя поначалу думал ограничиться минимумом средств. Тут бы мой номер не прошёл, ибо присланный отряд явно осматривал местность не только визуально, но и всяческими приборами, как с земли, так и с воздуха. Вполне возможно, что данные сравнивались между собой компьютером.

Наконец аэролодка скрылась за горизонтом. Я же серьёзно задумался, внутренне немного встревоженный. Слишком уж дотошно шестёрка вела осмотр места падения небесного гостя. У меня возникло ощущение, будто обитатели Ирия ведают о том, что их посетил незванный гость. Вряд ли это было так, но в любом случае лучше переоценить противника, чем недооценить его. Тем более, не следует забывать, что мои коллеги прежде тут терпели неудачу. Не по этой ли причине?..

Нужно было побыстрее покинуть это место.

Когда мы летели сквозь стратосферу, то провели экспресс-разведку местности диаметром свыше трёхсот километров. Просмотрев эту запись, я отыскал на ней несколько изображений аборигенов. Один из них мне понравился больше других. Он ехал через пески на животном, которое походило на земного верблюда. Тоже двугорбого, длинноногого, но с маленькой шеей и двумя руками у её основания. Всадник укрывался бурнусом из шкур, на голове имел тюрбан.

Едва я определился с выбором, как гиссл из скалы пере-лился в форму виденного нами животного, его я стал назы-вать верблюдом. Только что образованными руками он по-кидал в свою пасть некоторое количество песка, пожевал его и изрыгнул в виде точно такой же одежды, которая была на туземце. Пояс Перуна между тем выдала мне струю пасты коричневого цвета. Помазав ею лицо, руки, грудь, придал им вид загара. Потом облачился в мохнатые штаны, бурнус и тюрбан. Теперь меня было невозможно отличить от абори-гена планеты. Я взобрался на верблюда, которым был гиссл, и направил его в ту сторону, куда только что улетела аэро-лодка.

Ирий был в определённом роде уникальной планетой. Си-ла тяжести и состав атмосферы почти ничем не отличались от земных. Более половины поверхности планеты занимала суша, остальная часть приходилась на самой причудливой формы моря, озёра и полноводные реки.

В данную минуту я находился почти у экватора, в центре одной из самых больших пустынь планеты. Температура в тени достигала пятидесяти градусов, хотя день клонился к вечеру. Значит, днём тут гораздо жарче, настоящее пекло.

Наклон оси Ирия близок к нулю, поэтому сезонных ко-лебаний почти не было – весь год здесь царило жаркое ле-то. Я знал, что на севере, куда мы сейчас и направлялись, было значительно прохладнее – градусов на пятнадцать-два-дцать. Весьма комфортный климат! Там росли настоящие

леса. Имелось много городов.

Мой верблюд двигался со скоростью, которая, думаю, поразила бы всех обитателей планеты, хотя со стороны она казалась куда меньшей, чем была на самом деле. Конечно, мы могли бы и полететь, и куда быстрее той же аэролодки, но этим выдали бы себя. Да и куда нам спешить, ведь у меня задание – осмотреть-изучить планету. Самый лучший способ для этого – путешествие. Это я уже и делаю. На моей одежде находилось множество замаскированных датчиков, которые фиксировали всё происходящее вокруг, изучали состав атмосферы, почвы, рельеф местности, растительность, животный мир, магнитное поле и всё прочее. Затем анализом данных займутся специалисты Земли.

Я подумал, что моих глаз и приборов мало, нужно осмотреть ландшафт сверху. Мысленно попросил об этом гиссла. Тут же одна из его рук превратилась в местную птицу с перепончатыми крыльями, которая взмыла в небо. У нас с гисслом был плотный телесный контакт, и он ретранслировал через мой зрительный нерв прямо в мозг то, что видела сверху птица. На месте прежней руки у него тут же выросла новая. При этом мой верблюд даже не сбился с шагу, продолжая невозмутимо бежать по песку.

С небесной высоты я внимательно осмотрел панораму. Прямо по нашему курсу находился оазис с тростниковыми крышами домиков. Сердце забилося чаще. Там живут люди! Меня тянуло посмотреть на них, познакомиться, пообщать-

ся. Убью сразу двух зайцев – удовлетворю своё любопытство и одновременно, как того требует задание, пополню данные об обитателях Ирия. Я же здесь не турист, а наблюдатель, должен изучать буквально всё.

– Ура! Вперёд, вперёд, мой дромадер! – закричал я, и мой голос затерялся в огромной пустыни, заморенной зноем. Теперь я понял, почему пословица говорит именно о глазе вопиющего в пустыне. Слишком уж слабы люди перед этими громадами вековых песчаных просторов.

Гиссл понял моё желание и понёсся заметно быстрее, постоянно сканируя местность, проверяя и убеждаясь, что нас никто не видит. Теперь он несся со скоростью гоночного автомобиля, успевая перебирать ногами, как если бы на самом деле бежал. И он, и я знали, что в данное время нас никто не видит, и потому выдать себя не можем, но немножко подстраховывались.

До самого оазиса не встретили ни одного аборигена. Я подумал: а что, если тут имеются какие-то приборы, которые зафиксируют феномен такой быстрой езды?..

На вопрос о них гиссл ответил отрицательно. Ему можно было верить: он всегда говорил правду. Да и зачем подобные штучки-дрючки в этой глуши, для чего, какой в них смысл? Не специально же для контроля за нами, ведь никто не знал, когда и где мы окажемся! Мы сами не знали, выбирали место весьма приблизительно – в районе экватора, чтобы затем пройти до северного полюса.

По мере приближения к оазису гиссл замедлял ход, а вблизи вообще двинулся размеренным шагом. Я придал себе немного усталый вид.

Встретили меня аборигены странно. Мало кому из них удавалось скрыть удивление и страх. Мужчина в высоком тюрбане принёс охапку травы и кувшин воды. Похоже, так по традиции тут встречали гостей. Мой верблюд сразу принялся за траву, а мне пришлось взять кувшин. Несколько капель воды, словно невзначай пролитых на Пояс Перуна, были им тут же досконально проанализированы: пить её было можно. Я сделал несколько глотков и вернул кувшин мужчине. Его лицо вытянулось, в глазах появилось смятение. Что-то я сделал неправильно, слишком поспешил. Понадеялся на импровизацию, решил обойтись без предварительного изучения, разведки.

Нужно было срочно что-то предпринять, и поскорее...

Я протянул мужчине свою руку, он немного помедлил и подал свою... едва произошёл контакт, как с помощью гиссла я послал телепатическую команду: повинуйся ей, мужчина позволил мне прикоснуться к его виску, после чего почти мгновенно произошла перекачка всех его знаний в недра бездонной памяти гиссла, а частично и в Пояс Перуна. А уже от него я получил необходимые сведения.

Сразу всё прояснилось. Оказывается, я принял облик сборщика налогов, который недавно уже посетил оазис, забрав даже больше положенного. Так быстро меня не ждали.

Удивило туземцев, что я прибыл один, обычно сборщиков налогов сопровождало не менее двух охранников. Да и прибыл я со стороны пустыни, где никто не живёт. Сборщики налогов приезжали с севера и уезжали туда же. (Мысленно выругал себя, уж об этом я мог бы и сам догадаться.) Сборщики налогов не позволяли своим животным сразу принимать корм и сами долго кичливо отвергали воду, пока не получали подарок. Остаток выливали и швыряли кувшин на песок. Если возвращали сосуд хозяину, то этим показывали своё крайнее недовольство. Тогда требовалось немало стараний, чтобы снискать милость сборщиков налогов.

Я улыбнулся и сказал на местном языке, который уже усвоил с помощью гиссла:

– Простите, друзья, но я совсем не тот за кого вы меня принимаете. Я – хороший человек.

К моему седлу был привязан кожаный мешок. Я знал, что в нём, помимо прочих вещей, находится кошель с деньгами. Настоящими деньгами! Если гиссл что-нибудь делал, то делал это так, что отличить от оригинала было совершенно невозможно. Лучшие умы человечества давно убедились в том в ходе множества экспериментов.

Я достал кошель, бросил к ногам мужчины в тюрбане и ударил верблюда пятками. Он послушно потрусил к северу, ухитрившись захватить изрядный клочок травы. Я восхитился: то был просто шедевральный мазок картины, созданный гениальным художником. Гисслу трава была совершенно не

нужна, но он сделал то, что совершило бы настоящее подобное животное на его месте – оно-то стремится набить брюхо и не упускает ни малейшей возможности для этого. Только я один мог оценить абсолютную достоверность моего «верблюда». Вполне возможно, что я допустил и другие промахи, кроме упомянутых выше, но вот гиссл ничем себя не выдал.

«Браво! Бис! – мысленно похвалил его я. – Конгениально! Просто снимаю шляпу перед тобой! Ты – настоящий артист, ас своего дела! Знаешь ли ты это?»

«Неопределённый вопрос», – ответил гиссл, вызвав у меня гомерический хохот.

На сей раз он был стопроцентно прав. Потом мне пришла мысль, гиссл должен был понимать, что это был совсем не вопрос: а лишь риторическая фраза, облечённая в форму вопроса. Сказанный вслух подобный его ответ вполне мог быть ироничным, но в той степени, что невозможно этого осознать и уж тем более доказать.

Долго размышлял над этим, но ни к какому определённому выводу так и не пришёл. А гиссл, как обычно, не помог, не подсказал.

Удалившись подальше, за высоким барханом, мы изменили внешность. Гиссл сменил масть с рыжей на серо-чёрную. Я осветлил кожу, обновил одежду. Так, на всякий случай, бережёного Бог бережёт. Вдруг кто в оазисе известит о необычном сборщике налогов. Теперь я походил на местного пас-

туха. Правда, никакого стада у меня не было. мог бы разделиться и создать с десятков животных, но с ними мы не смогли бы передвигаться достаточно быстро.

Предварительно осмотрев местность, мы совершили резкий перелёт – вот было зрелище: я пролетел на верблюде! – в западном направлении километров на шесть. Впереди летела наша птица, осматривающая местность. Когда мы приземлились, она опустилась на круп верблюда, а через секунду словно перелилась в него, а на коже и следа не осталось.

Воздух здесь был чуть прохладнее. Почва сменилась на глинистую, и вот уже скоро мы стали продвигаться по берегу реки. Она начиналась далеко от нас в высоких горах, текла извилисто и впадала в огромное море. Кажется, оно было крупнейшим на планете. Ирийцы называли его Великим морем.

Если ничего не помешает, то завтра мы доберёмся до него. Миновать невозможно, ибо Великое море простиралось в ширину примерно на полторы тысячи километров. Такой крюк давать не стоит, надо пересечь его напрямую. А вот как – об этом ещё есть время подумать.

Устраиваясь на ночь, я устроил систему защиты по полной программе. принял форму яйца размером с дом и придал себе такой огромный вес, что сам собой стал погружаться в почву, пока верхушка не сравнялась с поверхностью. В нём открылся лаз, я спустился внутрь, где уже имелась удобная комнатка со всем необходимым для приятного ночлега. На

всякий случай гиссл частицу себя преобразил в птицу и пустил её летать всю ночь с высоты, контролируя окрестности с воздуха. Свой верх он преобразил в дёрн с той растительностью, что росла здесь до нас. Теперь никто не сумел бы отыскать нас. Я сознавал, что очень сильно перестраховываюсь, но твёрдо себе сказал, что кашу маслом не испортишь. А времени и сил это не отнимает.

После этого я позволил себе расслабиться. Этим хороша жизнь агента, сейчас надо мной не было никакого контроля, я мог делать всё что угодно. Днём я ел мало, с полным желудком ехать не очень приятно, но теперь я мог вознаградить себя за прилежание. Попросил гиссла включить приятную мелодию (русскую народную и классическую): тут же тихо полилось «Вот мчится тройка почтовая...». Затем я слушал «Москву златоглавую», «Вечерний звон», «Эй, ухнем!..», «Вдоль по Питерской...»

На ужин «заказал» сибирские пельмени, пару разных салатов, чёрную икру и квас «Монастырский». На десерт угостился земляникой, виноградом, грушами и персиками. Потом погрыз жареные орешки фисташки и арахиса.

После плотного ужина стол с остатками еды и мягкий стул ушли, словно провалившись, в пол. Тут же гиссл вырастил сбоку удобное ложе с подушкой и одеялом. Сфера вокруг меня преобразилась в сплошной экран. Я попросил показать отдельные фрагменты нашего путешествия. Особенно внимательно просмотрел прилёт аэролодки с вооружён-

ным отрядом на место нашего прибытия. Максимально увеличил изображения лиц, но рассмотреть их не смог, ибо они были закрыты шлемами с непроницаемыми для оптических волн забралом. На вооружении у шестёрки имелись лучемёты весьма примитивной конструкции. Архаическое оружие!

На всякий случай обратил внимание гиссла на него. Он немедленно выдал мне точную копию. Я взял в руки, внимательно осмотрел огнемёт, примерился, приложил к плечу. До моего бластера, конечно же, ему далеко, но по местным меркам весьма грозное оружие. Опустил его на пол: он мгновенно потерял форму, растекся и был впитан гисслом без следа.

Далее прокрутил видеозапись встречи с туземцами в оазисе. Обратил внимание на их одежду, хижину, орудия труда, поведение. Попрактиковался в языке аборигенов, это должно было пригодиться мне в скором будущем.

Конечно, в иных местах могут быть использоваться иные говоры, диалекты, но вряд ли эти различия окажутся значительными. Похоже, начало местной цивилизации положила сравнительно небольшая группа землян, а они должны были говорить на одном языке. Взаимопонимание всегда много значило для людей, а за рознь во все времена приходится платить слишком высокую цену.

Перед сном продумал свои завтрашние действия, насколько мне позволяли это новые знания о планете...

Глава 2. Сюрпризы

Ирия

Проснувшись утром, я запросил краткую сводку событий ночи. Странно, но над нами четырежды пролетали аэролодки и даже снижались, кружили в нашем районе. В последний раз прямо над нами.

Случайность? Или искали нас?..

Ежели последнее, то как они могли знать о нашем местонахождении? Это невозможно!..

Я терялся в догадках.

Встал. Ложе с постелью ушло – утекло – в пол, а сфера наполнилась довольно прохладной бурлящей (гидромассаж) водой, которая быстро вымыла из меня остатки сна и придала бодрость. Я поплескался. Вода ушла. Тут же полилась сверху, то холодным, то горячим душем по моему желанию. Контрастное купание полезно для здоровья. Завершилось оно ледяной водой, которую едва выдерживала тело. Сразу после этого внутри родилась волна, она пошла снизу и сразу согрела меня, тонизировала. Каждая клеточка затрепетала от удовольствия.

Я досуха принялся обтираться махровым полотенцем.

Потом позавтракал.

Небесный страж сообщил, что ни на земле, ни в воздухе ничего опасного нет. Я выбрался наружу по образовавшейся лесенке. Следом за мной на поверхность вытек, словно паста из гигантского тубика, гиссл и принял вид верблюда. Я знал, что ямы он после себя не оставит, обязательно заполнит тем, что любые исследования и любые приборы покажут как пер-

возданную почву и редкую травку, бывшую тут до нас.

Я сел на своего «корабля пустыни» и поехал вдоль реки.

Безлюдность мест позволила нам двигаться с очень высокой скоростью. Далее растительность стала пышней, гуще и нам пришлось умерить прыть. В кустарниках водилось много живности, которую мы страшно пугали. Подобного ей видеть не приходилось.

Река стала постепенно отклоняться на восток, поэтому мы переплыли через неё (хотя хотелось просто перелететь) и направились на север.

Не успели мы удалиться от берега и на километр, как нам путь преградила кровожадная зверюга размером с африканского слона, только в отличие от него имевшая когтистые лапы и зубастую пасть. Тигр или лев показались бы просто котёночками перед ним. Около своей страшной головы монстр имел короткие мускулистые лапы.

Он решительно преградил нам путь и приготовился к прыжку, плотоядно скаля клыки в надежде на поживу.

Зверь не ведал, что жестоко обманулся и ему грозит печальная участь. Вариантов у меня имелось немало: от элементарного бегства от хищника до превращения монстра вмятку силовыми экранами. Гисслу было всё равно, а я решил позабавиться.

Зверь стегнул землю хвостом и стремительно бросился на нас. Мой верблюд отшагнул в сторону и ухватил своими внезапно выросшими до гигантских размеров руками передние

лапы хищника, окружил его вокруг себя и отбросил далеко в сторону. Тот с растерянным воем шлёпнулся на землю, полежал, встал и помчался от нас прочь, чуть приволакивая заднюю левую лапу. Видимо, при падении повредил её. Подобного противника он в своей жизни не встречал. У меня возникла мысль догнать его и дать несколько увесистых пинков сзади, но я остановил себя, укорив за легкомыслие. Всё же я нахожусь при исполнении ответственного задания, нужно вести себя серьёзнее. Несомненно, потом на Земле мне сделают замечание, что следовало обойтись без этого. Наверное, стоило стегнуть зверюгу силовым лучом, дабы испугать его, тогда бы он просто убежал сам с нашего пути предельно свирепым аллюром.

Дальше в зарослях кустарника мы встретили стадо верблюдов. Вот на кого привык охотиться хищник! Ошибся немного, приняв нас за свою законную добычу, но не на тех нарвался. Прости, бедолага! И на старушеницу бывает прощенья...»

Местность незаметно повышалась, растительности стало меньше. Мы видели далеко окрест. Правда, нас тоже было видно с такого же расстояния. Я хотел было скомандовать прибавить шагу, но сверху птица подала сигнал опасности. С севера к нам приближалась группа аэролодок. Их было шесть штук. Средние несколько снизили скорость, а крайние её увеличили и я заметил, что они охватывают нас, словно хорошо зная, где мы. Ошибки быть не могло: мы были об-

наружены!

Осознание этой истины меня потрясло, несколько секунд я словно находился в прострации: этого не может быть, потому что быть не может! Но это было, было, было!..

Но выстрелы бортовых огнёмётов доказали, что охота идёт именно на нас. опережал выстрелы, уворачиваясь от огненных плевков.

Я лихорадочно обдумывал планы дальнейших действий. Ухо верблюдов прыгнуло в мою руку и тут же обернулось лучемётом. Я повёл ответную стрельбу по нападавшим. Один из летательных аппаратов задымился и рухнул вниз. Другие опасно отлетели подальше, ведя обстрел издали. Мне не хотелось пускать в ход бластер и более совершенные виды оружия. Оставалось уповать на хитрую уловку.

После очередного выстрела с аэролодки мой верблюд постарался попасть под огненный плевков, но так, дабы это не повредило мне. Тут же гиссл изобразил взрыв, другой, третий... После каждого в воздух поднимались плотные клубы дыма, которые ветер понёс в сторону. На земле остались лежать развороченная взрывами туша верблюда и безжизненный труп всадника.

Стрельба прекратилась. После небольшой паузы, во время которой они, несомненно, осматривали останки, одна из аэролодок стала по суживающейся спирали осторожно приближаться к ним. Затем подлетели и остальные. Они погрузили всё, что осталось от верблюда и человека на свои аппа-

раты и стремительно унеслись на север.

Мы с гисслом находились в полукилометре, наблюдая за всем со стороны. С того места мы улетели во втором клубе плотного дыма, оставив вместо себя предельно натуральные копии изувеченного верблюда и человека. Пусть порадуется победе, изучают останки. Выявить истину они не смогут, ведь сие не под силу и куда более развитой науке Земли. Гисслы делали всё абсолютно точно, вплоть до внутриядерных элементов ядра вещества.

Надеюсь, теперь владыки планеты удовольствуются «трофеями», которые получили, и оставят нас в покое. Очень надеялся на это.

До этого мы передвигались вдвоём. Возможно, нас искали именно двоих. Значит, дальше должен идти один.

Повинуясь моему решению, гиссл окружил меня своей плотью, а сам стал травоядным животным, вроде носорога, только без рогов и с двумя слабенькими ручками на могучей шее: они помогали выбирать более вкусные кустарники, травы, отправляя в пасть зверю то, что вкуснее.

Его глаза были и моими глазами, как уши и все прочие органы. Я видел, слышал, осязал и чувствовал всё то, что и «носорог».

Я позволил себе подремать на ходу, а гиссл внешне неторопливым шагом следовал на север.

Передохнув, я попросил показать мне сцену нападения на нас. Удивительно, но они совершенно точно знали, где мы.

Напали без колебаний. Неужели им дан приказ не брать нас живыми? Могли бы сначала предложить сдаться в плен, но нет, сразу принялись стрелять, используя эффект неожиданности...

Пищи для размышлений у меня оказалось немало.

К полудню мне надоело лежать без дела. Я выбрался наружу, придумав себе вид пастуха, из одежды оставил себе только одну набедренную повязку. Гиссл преобразился в домашнее животное, которое мы видели в оазисе. Оно давало молоко и мясо, иными словами, служило туземцам вроде коровы. Было приятно размяться, пройтись ногами. Теперь мы не спешили, двигались самой обычной скоростью. Возможно, именно это выдало нас прежде – скорость. Хотя кто и как мог это подсмотреть – я совершенно себе не представлял. Мне казалось, что маскировался я всегда очень хорошо, даже с избытком, но тем не менее ничего не помогло во время моей поездки на «верблюде». Это заставило меня недоумевать, никаких догадок не приходило. Понять не мог, чем же именно я выдал себя.

За пару дней я добрался до весьма крупного города. Позже я узнал, что он назывался Каслаан.

Ещё на подходе к нему в зарослях кустарника гиссл преобразился в заплечный мешок, будто бы сделанный из грубой дерюги. Я попросил придать вес примерно в десяток килограммов, не больше. Это и было сделано. Совсем уж лёгким он быть не должен, вдруг как-то сие обнаружится и вы-

зывает недоумение. Лучше подстраховаться с самого начала. А слишком тяжёлое таскать на себе не хотелось.

В городе нашёл гостиницу. Признаться, здесь допустил промашку, прежде не выяснил, какие деньги тут были в ходу, а мне предстояло платить за снятый номер. Я хотел отдохнуть по возможности удобнее.

Хозяин Буурак попросил прежде заплатить по два серебряных рала за каждый день.

Пришлось выкручиваться. Сначала я изобразил глубокую задумчивость: сколько же дней мне понадобится для проведения моих дел? Даже пальцы загибал и разгибал, шевелил губами, словно пытаюсь сообразить.

Тем временем Пояс Перуна срочно синтезировал мне золотые монеты, взяв за образец старинные земные динары. Расчёт был на то, что золото у меня возьмут, раз тут в ходу серебро.

Так и оказалось. Сказал хозяину, что прибыл сюда издалека и у меня только свои монеты. С этими словами достал из кармана первую синтезированную монету и протянул хозяину. Тот сверкнул глазами, взял, повертел в пухлых пальцах, оглядывая со всех сторон. Даже проверил на зуб и расслабился, поняв, что имеет дело с настоящим золотом. Спросил:

– Ну что, решил, на сколько дней берёшь номер?

– На три дня, – твёрдо ответил я. – Постараюсь управиться.

Он нехотя отсчитал мне девяносто серебряных монеток.

Несомненно, это были ралы.

– Я тебе дал золото, а ты мне суёшь серебро, – я скорчил обиженно лицо, играя роль простого жителя планеты, которому золото доставалось крайне редко.

– Откуда я знаю, что ты его не украл? А может быть, действительно украл?– хозяин постарался припугнуть меня. – Признавайся!

– Да я год работал! Дом продал! Хочу сюда переселиться. Добавь ещё немного.

Хозяин отсчитал ещё пару монет, на третьей спохватился, оставил себе, похоже, жадность обуяла, выкрикнул:

– Больше не дам! И этого много.

– Ладно, – изобразил я смирение перед судьбой, поднимая за лямку с пола положенный на него мешок, – веди меня в номер...

В городе я пробыл два дня. Узнал много нового. Практически все дома в нём имели «голубые экраны» – телевизоры. Передачи транслировались почти по десятку каналов, хотя между ними особой разницы не было: всюду восхвалялось правление Всемогущего, чьими верными слугами являются сиолфы. Неустанно повторялось о том, как плохо жилось раньше и как хороша нынешняя жизнь ихними стараниями. Неустанно муссировался лозунг: «Свобода. Трудолюбие. Счастье».

Я подумал, что говорят о том, чего нет. Во всяком случае, в действительности этого не видел. Моя догадка подтвержда-

лась с каждым часом по мере того, как я узнавал местную жизнь.

Работа являлась здесь обязанностью, избежать которой было очень трудно. Впрочем, можно было и не работать, но и не получать средств для пропитания, одежды, развлечений. Это и было «свободой»: хочешь – живи, не хочешь – не живи. Полная свобода! Так что на самом деле выбора не имелось.

С помощью гиссла я изготовил «маячок», как я его именвал, – приёмник телеволн: он стал вести записи всех местных телепередач, передавая их в поистине бездонную память моего Пояса Перуна, дабы потом наши специалисты смогли их изучить. Поместил «маячок» на одной из крыш, заменив им дырявый лист шифера, вид которого он приобрёл, ничем не отличаясь от всех остальных. Заодно улучшил состояние кровли, до которой никому не было дела, она имела немало дыр и в дождь протекала. А так стало одной прорехой меньше.

Попутно попользовался интернетом. Он был доступен не на всей планете, а лишь в самых крупных городах. Все пользователи обязаны были зарегистрироваться под своими настоящими именами и с настоящими фотографиями крупного плана.

Пояс Перуна запустил в систему местного интернета специальный вирус, который позволил кое-что изменить, что-то добавить, в результате я смог стать пользователем с плавающими параметрами – под именем того, кто в данное время

отсутствовал. Если случалось, что настоящий абонент входил в сеть, то я становился уже другим, в настоящее время отсутствующим. Потому выявить мои незаконные сеансы существующими на планете средствами было невозможно.

Через интернет я узнал немало интересного, а ещё больше информации скачал в память Пояса Перуна для земных исследователей.

Утром на третий день решил покинуть Каслаан, заскучав в нём. Немного поторговался с хозяином гостиницы, указывая, что пробыл у него лишь два с небольшим дня, а потому он должен мне вернуть некоторую сумму.

– Ну, хотя бы пару ралов, – настаивал я.

В ответ слышал:

– Я тебя не гоню, ты сам уходишь!

Мне было забавно просить несколько жалких монет, хотя я мог иметь их в любом количестве, но решил доиграть свою роль до конца.

Правда, успеха не достиг. Не получив ни одной монеты, ушёл, изображая досаду и огорчение. В глазах хозяина горело торжество. Внутри я улыбался и даже радовался его победе: порадовал человека, пусть даже мне практически незнакомого...

Уже на выходе из города был вынужден уступить дорогу довольно большой группе сборщиков налогов, которые несли добычу к внушительному по своим размерам аэрокораблю. Поживились они неплохо, подумал я. С ними находились

девять детей от пяти до одиннадцати лет. Многие мордашки сохранили следы слёз. Их забрали у родителей против воли. Это было очевидно.

Мне пришлось взять себя в руки и ограничиться ролью пассивного наблюдателя, хотя подмывало вмешаться. Эх, если бы не это, то я бы им показал!..

Из переулка выбежал молодой мужчина с увесистой палкой в руках. Он бросился к детям и схватил за руку светлоглазую девочку. Она встретила его радостным криком: «Папа! Папочка!» Мужчина повлёк её за собой, но к нему ринулись вооружённые стражники. Огнемёты они не стали доставать, а ограничились теми саблями, что держали в руках. Мужчина принялся храбро отбиваться своей палкой, но её конец тут же отсёк острый клинок, а следующий удар перерубил правую руку храбрецу и попутно рассёк живот. Он упал, истекая кровью. Девочку схватили и увели на летательный аппарат. После этого аэрокорабль поднялся и улетел на юг.

Несомненно, из окон домов видели расправу, но никто не вышел, не помог несчастному. Это было весьма красноречивым свидетельством «свободы» и «счастья», которые царили на Ирии.

Я присел на корточки возле головы умирающего и коснулся ладонью его виска. Тут же гиссл прочёл всё необходимое в головном мозге бедняги. Его звали Юллан, он работал каменщиком. В этом год жребий пал на его дочь и её увезли во дворец Всемогущего, к сиолфам. Так бывало каждый год.

Для чего забирали детей – никто не знал. Родителям говорили, что сделают из их отпрысков счастливых, трудолюбивых, гармонично развитых людей, которые будут жить иначе, выйдут из невежества и темноты, получат настоящие знания.

Мать девочки, Аннела, от горя наложила на себя руки, а Юллан в отчаянии схватил палку и бросился за дочерью, совершенно не отдавая себе отчёт в том, что делает. В результате своей безрассудной попытки поплатился жизнью.

Отважный отец умирал на моих глазах, потеряв навсегда свою дочь. Из него утекала последняя кровь. Перерубленная рука лежала рядом с ним в пыли.

Я вздохнул, сказав себе, что нужно подниматься и отправляться в путь в ту сторону, куда улетел корабль с собранными налогами и детьми, продолжать своё дело, но не смог заставить себя. Выругался в сердцах. Незаметно огляделся по сторонам, никого нет. Это благоприятствовало моим планам.

– Можете меня ругать, это ваше право, – вслух произнёс я для тех, кто потом в Космополе будет просматривать запись моих действий, анализировать их, делать выводы, – но я не вижу большого вреда в том, чтобы помочь этому несчастному человеку.

С этими словами приложил отрубленную руку к кровотокающему месту среза, морщась от вида торчащей кости. Гиссл изверг из себя комок мягкой массы, похожую на жвачку телесного цвета. Таковой она лишь казалась, а на самом деле являлась универсальным лечебным средством, истинной

панацеей.

Масса сразу же прилипла к ране, легко вытягиваясь в плоскую полоску шириной в три-четыре сантиметра. Ею я обернул всю руку, следя за её правильным положением. «Жвачка» тут же принялась впитываться в кожу, уже через десяток секунд исчезла вся, интенсивно продолжая внутри восстановление кожи, мускулов, сухожилий и всего прочего...

Через минуту руку мужчины можно было уже не держать, я осторожно положил её вдоль тела. Новую порцию «жвачки» гиссла наложил на живот несчастного, предварительно, сводя стороны рассечённой кожи. Панацея тут же занялась сращиванием всего того, что разрежала стальная сабля.

Я заметил, что на ране не осталось даже и следа того, что кто-то по ней ударил саблей. Это вызовет удивление. Через гиссла дал указание «жвачке», та буквально на моих глазах образовала круговой шрам на руке. Это тоже было неправильным, я мысленно крикнул: «Шрам должен быть только с одной стороны! Всё должно быть похоже на заросший след сабли, которая лишь частично сверху рассекла руку, а не совсем её отхватило, как это и случилось на самом деле...»

Так и было сделано.

На животе тоже был оставлен след небольшого зарубцевавшегося шрама.

Гиссл сотворил мне бинты, ими я обвязал руку, а на рану на животе наложил липкий пластырь. Можно было бы обой-

тись без них, но тогда бы бросилось в глаза слишком скорое выздоровление. Пусть Юллан поносит повязку, это я обяжу его сделать, а потом он снимет и будет думать, что раны за-растали не пару минут, а все те дни, что пройдут до удале-ния бинтов.

Попутно со всем этим был подлечен желудок мужчины, в нём уже имелась язва. Наверное, она мучила его не один год. По моей указке панацея язву устранила.

Лицо умирающего начало розоветь, так как его жилы на-полнились кровью – той, что скопилась в полости живота, но уже очищенной и обеззараженной, переправленной обратно в жилы и артерии. Попутно была добавлена порция синтези-рованной плазмы.

Юллан открыл глаза и слабо спросил:

– Где я? Что со мной? Где моя дочь? Они её увезли?

– Да, – подтвердил я, – её увезли. Мужайтесь.

– А я? Мне же отрубили руку! – вскричал он, изумлённо пошевелив пальцами поднятой правой руки. – А она на ме-сте! Как это так?!

– Я тоже поначалу подумал, что она отрублена, но при осмотре обнаружил, что это не так. Да и рана в живот не опасна. Те, кто с вами дрался, – плохие воины и у них сквер-ное оружие.

– Ах, вон оно что! Наверное, мне показалось в бреду, что я лишился руки, ведь я жив и рука целая.

– Говорят, такое бывает, – соврал я Юллону. – Полежите

ещё немного, наберитесь сил. А потом сможете подняться и дойти до дома. Постарайтесь дня три-четыре не трогать повязки. Дайте мне в этом слово. – Мужчина закивал. – Раны быстро заживут, останутся лишь шрамы. Я – врач и у меня с собой как раз оказались – на ваше счастье – подходящие лекарства. Нет, денег не возьму. Денег у меня предостаточно, используйте их на свои нужды.

Я не стал выслушивать слова благодарности Юллана, взвалил на себя заплечный мешок и пошёл своим путём из города. Задерживаться здесь не имело никакого смысла.

Глава 3. Портовый город Кардаган

Я двигался весь остаток дня и вечер, практически обезвешив мешок за плечами, а потому он мне совершенно не мешал. Переночевал тем же способом, как и в прошлую ночь в подземной капсуле, комфортно устроенной мне гисслом. Принял ванну, сытно поужинал, просмотрел кое-что из собранной информации. Знал по опыту, что было полезно закачивать в свою память как можно больше сведений. Никогда не знаешь, что и когда впоследствии понадобится.

На следующее утро двинулся в путь, имея облик вольного охотника на могучем жеребце. У него не было гривы, вместо неё впереди на шее росла пара крепких лап. Такие тут были животные, которых использовали вместо лошадей. Гиссл на ходу рвал траву и отправлял в рот. Конечно, он вполне мог обойтись без подобного корма, но этого требовала маскировка: мы знали, что эти «лошади» вели себя именно так, так что следовало следовать правилам «игры» для полной достоверности образа.

После полудня вошли в огромный портовый город на берегу Великого моря. Прежде чем я увидел его, ощутил в воздухе специфический запах моря. Назывался город Кардаганом. Перед въездом в него гиссл изготовил мне тушу козлоподобного зверя. Я повёз её на местный базар и довольно удачно продал «добычу», выдержав длительный торг с поку-

пателем. Этого требовали местные обычаи: торговались тут все, умело и с большим удовольствием, состязаясь в красноречии, остроловии, находчивости. Если кто продавал товар без предварительного торга, то его считали, как минимум, простаком, а то и откровенным дурнем, который двух слов связать не умеет.

Я показал, что являюсь истинным мастером этого дела. Ещё бы, ведь мне «ассистировал» Пояс Перуна, а в его памяти хранились чуть ли не все знания земной цивилизации, в том числе и подобные уловки базарных торговцев. Да и мне помогало чтение мыслей покупателя, что устроил гиссл. Мой оппонент был поваром местного старейшины квартала. Звали его Ирбсом. Поначалу он не очень и хотел покупать мою добычу, но его так расположило ко мне умение торговаться, что он устоять не смог. После какого-то часа споров, состязания в доводах, криках и шуток козлоподобный зверюга перешёл к повару за довольно высокую цену. Ирбс взвалил тушу на плечи по понёс к себе.

Я был доволен одержанной победой, хотя деньги мне не были нужны, но охотник без дичи мог вызвать подозрения. Да и попутно я изучил такую специфическую и колоритную сферу жизни города, как рынок. Спустя некоторое время, улучив удобный момент, я сунул мешочек с монетами полуслепой старушке, просившей подаяние у хода на базарную площадь.

В Кардагане я тоже установил «маячок» – устройство, за-

писывающее местные телепрограммы, их содержание передавалось на хранение в мой Пояс Перуна. А так как город оказался весьма крупным, то были выпущены разведчики в виде местных птичек, которые летали повсюду и фиксировали происходящее. Вся собранная информация поступала в «мачок», а затем в необъятную память Пояса Перуна.

Ночью, в местной гостинице, я сравнил отдельные каналы и обнаружил, что телетрансляции ведутся из одного центра, в них лишь отдельные передачи посвящены местным событиям. Ладно, позже наши специалисты разберутся во всём. Это их «хлеб». Я же просто отметил это в своей памяти и постарался выбросить из головы, есть более важные дела.

Утром обнаружилось, что моего жеребца украли. Я изобразил праведный гнев, на постоялом дворе забегали, провели довольно усердные поиски. Было забавно наблюдать за ними.

Естественно, я не переживал, ибо гиссл ещё ночью телепатически сообщил мне, что его похищают. Я позволил сделать это злоумышленникам, чтобы изучить и такую специфическую категорию местного общества. Попутно гиссл извлёк из их памяти всю необходимую информацию.

Конекрады пытались кормить с рук жеребца пучками сочной травы, когда я вошёл в конюшню на окраине города, куда они привели свою добычу, считая, что тут её никто сыскать не сможет. Увидев меня, они достали ножи, а я выхватил саблю и отразил несколько яростных ударов. Плашмя огрел

клинком двух остолопов, а третьего пнул ногой в живот.

Покричал, побушевал, впрочем, больше для вида, изображая справедливый гнев. Потом вскочил на «коня» и ускакал, оставив воров в страшном разочаровании. Несомненно, они оказались страшно разочарованы, но догадаться, как были обнаружены, конечно же, не могли.

Уже в дороге я подумал, что поступил не самым лучшим образом: ведь дальше мне предстояло перебираться через Великое море, и лошадь была не нужна. Я мог дать гисслу команду – улучив удобный момент, сбежать от негодяев, а вдали от посторонних глаз принять иное обличие и вернуться ко мне. Только зря терял время, в «поисках» жеребца и в драке с ворами...

Впрочем, не совсем зря. Своими глазами посмотрел на воров, на их жильё, обстановку, выкачал из них прорву сведений непосредственно из подсознания. Знание – сила. Кто знает, что из этого может потом пригодиться? Кашу маслом не испортишь.

За городом я заехал в ближайший лесок и там гиссл принял форму старого плаща, который я повесил на плечи. Затем снова преобразил себя, на этот раз в рыбака, придав нужную внешность и облачившись в соответствующую одежду.

Отсюда направился в порт, где приобрёл парусную лодку: мол, старая пришла в полную негодность, уже состоит из одних дыр, не успеваю вычерпывать воду. Торговались с жилистым загорелым продавцом средних лет мы недолго, мне

не хотелось терять на это много времени. Согласился на разумную цену и тут же заплатил нужную сумму.

Получив в свою собственность лодку, сказал, что хочу немедленно опробовать покупку и отплыл в открытое море. Оно было спокойным, небо безоблачным, так что никто не счёл сие слишком большим риском. Тем более, что у меня был вид бывалого рыбака, знающего толк в своём деле и которому никакие передраги нипочём. А ежели это даже и не так, то кому какое дело: каждый сам себе хозяин!..

В это время над моей головой пролетели аэролодки: одиннадцать аппаратов. Я проводил их взглядом. Опустились они в городе.

Странно, покачал я головой. Мной овладели дурные предчувствия.

Глава 4. Великое море

Уже далеко в море, и прежде убедившись, что никто не может меня видеть, дал гисслу команду преобразиться в парусную лодку, полное подобие той, на которой я плыл. Я перешёл в неё, а настоящую он превратил в рыбий корм, который мутным облаком рассеялся облаком в воде. К нему сразу же кинулась местная морская живность с желанием поживиться, но мне было не до неё – с попутным ветром я понесся к северу.

Я знал, что на подобных судёнышках далеко в Великое море никто не заплывал, так что ежели кто увидит меня, например, с пролетающей аэролодки, то обратит внимание. Этого следовало избежать. Я попросил гиссла плыть не прямо на север, а менять курс – с северо-западного на северо-восточный. Так уменьшится вероятность того, что догадаются об истинной цели моего путешествия – она находилась на севере. А так, вроде бы, я плыву почти параллельно берегу, надо долго за мной наблюдать, чтобы заметить истину: то, что я всё более и более удаляюсь от близкого южного берега к далёкому северному.

С наступлением темноты гиссл по моей просьбе ещё раз видоизменился. Как раз поднялись волны, он устремился на верх одной, покруче, на вершине её почти перевернулся, его края сошлись, мачта с парусом почти мгновенно втянулась в

него, гиссл погрузился под воду, став маленькой подводной лодкой. Со стороны могло показаться, что лодка неосторожного рыбака перевернулась и почти сразу же затонула. Подозрительно быстро затонула, но если особенно не вдумываться, не анализировать, то картина была вполне достоверной. Да и кто – и как? – мог наблюдать за мной почти в полной темноте в открытом море при столь высоких волнах? Никто! Понимал, что излишне подстраховываюсь, но решил, что кашу маслом не испортишь.

На глубине двухсот метров гиссл стремительно помчался к северу.

Я успел принять обычную ванну и душ, поужинать окрошкой, гречишными блинами, обычными для себя салатами и фруктами. Тут гиссл известил меня, что из морских глубин на нас несётся огромная тварь. Телепатически транслировал в моё сознание её изображение. Она походила на кашалота, только вместо хвоста-плавника находились лапы с перепонками. Такие же, но заметно меньше, имелись на животе и около головы. Правда, у последних перепонки были едва заметными. Зверюга явно желала нас слопать, приняв за лёгкую добычу, не зная, как она ошибается и чем это грозит. Я мысленно сказал гисслу: «А почему бы и нет, пусть ест!..»

Он понял мою идею, и сразу отпочковал от себя три лишних куска своей плоти, преобразовав их в рыб, которое тут же стремительно метнулись в стороны. Только гиссл сделал это и предельно уменьшил свои габариты для лучшего про-

хождения в пасть монстра, как тот нас проглотил. Мы попали в его желудок. Стенки сошлись, пытаясь нас раздавить и своими роговыми наростами перетереть в легко перевариваемое месиво. Понятно, что на сей раз этого не произошло, да и не могло произойти. Даже наша земная цивилизация со всей её могущественной техникой не имела средств для уничтожения гиссла. В своё время земные специалисты испробовали на них чуть ли не все виды вооружения вплоть до мегамезонных бомб, которыми можно было уничтожить приличных размеров планету. Без всякого эффекта. Гисслы устояли. А эта зверюга, которая проглотила нас, могла бы и не пытаться, но она этого не ведала. Стоило лишь пожалеть глупую тварь: тупая, ну, тупая!..

Наверное, она почувствовала что-то неладное, начала мотать головой, пыталась извергнуть нас из себя, но мы этого не позволили. Затем ринулась в глубину. Тут же и включились в работу наши рыбки: они принялись время от времени стегать монстра силовыми разрядами, направляя в нужную сторону, к северу. В общем, дальше мы путешествовали, находясь в желудке обитателя морских глубин Ирия. Я представил лица аналитиков, которые потом на Земле будут анализировать мои действия: такой маскировки даже они не смогли бы придумать, сидя в своих удобных кабинетах. Я же сотворил экспромт, находясь в экстремальной обстановке. Потому похвалу я, несомненно, заслужил.

Превратил внутреннюю оболочку окружности, в которой

я находился, в телеэкран. Окружающая нас плоть животного не мешала мне видеть всё, что происходило вокруг. Конечно, снаружи царила беспросветная мгла, но изображение было таким ясным, словно всё вокруг заливал солнечным светом. Мой гиссл мог ещё и не такое!

Имелось полное впечатление того, что я несся сквозь водную толщу без несокрушимой брони гиссла и толстого брюха колосса, заглотившего меня.

Похоже, зверюга имела дурную репутацию и все морские обитатели спешили убраться с её пути, только завидев – или почувствовав иными органами чувств. Остались лишь три «рыбы», сотворённые гисслом. Две плыли по бокам, а третья – сзади. Если наш «извозчик» пытался нырнуть или свернуть не туда, то одна из рыб преграждала ему путь и наносила болезненный удар силовым полем. Скоро монстр уяснил, что только на север можно плыть, не получая наказания, и уже не делал попыток изменить курс.

Я наивно полагал, что наш зверь – самый крупный обитатель моря, но дальнейшие события показали, что я сильно ошибался.

Откуда-то из мрачных глубин объявилась чудовищных размеров тварь с щупальцами в десятки метров длиной каждое. Окрестил его многоногом. Ими он обхватил нашу «лошадку» и потянул к своей клыкастой пасти. Наши «рыбки» дружно кинулись на агрессора и так отстегали его силовыми разрядами, что этот глубоководный «спрут» отпустил жерт-

ву и, полуоглушенный, стал опускаться в морскую пучину, обиженно трепыхаясь. Убивать многонога я не велел. На всякий случай велел его со всех сторон осмотреть, просканировать организм, заснять снаружи действия и повадки. Земным специалистам «на десерт», пусть полакомятся столь огромного и могучего животного.

Мы же продолжили свой путь к северу во чреве «кита».

Так мы плыли и весь следующий день. К вечеру оказалось, что мы находимся уже в самом центре Великого моря. Дабы не скучать, занялся своими делами, которых оказалось немало.

Вдруг Пояс Перуна подал сигнал тревоги. В следующую минуту он показал на телеэкране изображения десятка субмарин. Они охватили нас кольцом со всех сторон, в том числе – снизу и сверху. Пути к отступлению были отрезаны.

Только покачал головой, охваченный предельно неприятными чувствами, от которых по телу пошёл холодок. Зря я гордился своей великолепной «маскировкой», придуманной на ходу и казавшуюся мне очень остроумной и удачной. Она не помогла, я чувствовал себя дураком, которого опять обвели вокруг пальца. Но как, как?!

Я совершенно ничего не понимал. А ведь данное мне на Земле задание выглядело на первый взгляд простым и лёгким, вроде прогулки туриста: просто прогуляться по Ирию, посмотреть на тамошнюю жизнь, только фиксируя происходящее вокруг, но ничего не предпринимая. Образно говоря,

я должен был быть «глазами» и «ушами» для наших земных специалистов, которые сделают соответствующие выводы. А получается, что я не могу выполнить даже такое несложное поручение: обо всех моих передвижениях владыкам планеты известно, они раз за разом пытаются со мной расправиться.

Стало ясно, что я потерпел провал. Теперь уже не было никаких сомнений. Этим я мог оправдать перед своим начальством свои дальнейшие действия. Раз я обнаружен, что было несомненно и никто бы потом не стал оспаривать сей очевидный факт, то я мог перейти от роли пассивного наблюдателя к другой – начать действовать самому так, как считаю нужным в соответствии с обстоятельствами. После осознания этого испытал облегчение. Раз провал, так провал! Ну, держитесь! Я вспомнил о дочери мужественного Юллана, которую вместе с прочими детьми увезли на север в чертоги Всемогущего, где обитали неведомые мне сиолфы. Я непременно выясню: зачем и для чего это было сделано.

Субмарины начали метать в нашего зверя гарпуны с тросами, тем самым предотвратив возможность его бегства. Потом на него понеслись торпеды: взрываясь, они рвали в куски тело исполина и скоро он забился в агонии. Я сильно пожалел, что ранее не покинул его, и тем самым обрёл на смерть. Но я верил, что сие нужно мне для маскировки передвижения по морю. Верил, только это было мне оправданием.

Нам торпеды причинить вреда не могли. Гиссл принял вид огромного клубка внутренностей, скрыв меня внутри

их: бесформенных, окровавленных, которые медленно, как и многие другие, ему подобные, стали опускаться в глубину. Субмарины тем временем крошили животное. Несомненно, их экипажи руководствовались чьими-то указаниями. Никто на месте ни раньше, ни теперь не мог определить, где, в каком обличье нас искать. Они лишь слепо исполняли данные им поручения. Только потом, спустя какое-то время, неизвестный (или: неизвестные?) проводил осмотр-анализ и понимал, что вышла промашка. Давал новые приказания.

Не случайно, например, в самый первый раз они забрали с собой лже-метеорит, а потом имитацию останков верблюда и человека. Так что у меня есть какой-то запас времени, нужно было действовать.

Опускаясь на дно, гиссл плотно облёк меня, став своеобразным скафандром. Мысленно я дал команду плыть на север и стремительно помчался над илистым дном. Постепенно поверхность его поднималась, толща воды становилась светлее, хотя и до этого с помощью гиссла и «рыб» я мог видеть на многие километры вокруг.

В подводной котловине заметил большой многопалубный корабль, почти переломленный надвое. Похоже, его погубил свирепый шторм. И случилось это сравнительно недавно.

Крайне заинтригованный, я замедлил ход, спустился к нему, покружил вокруг судна.

Сильнейшее любопытство заставило меня пробраться через трещину в левом борту внутрь. Внутри было темно, но

гиссл сотворил мне «ночное зрение» и сразу стал видеть всё вокруг словно при самом лучшем освещении. По длинному коридору добрался до большого помещения, видимо, салона. Толстые стёкла больших круглых иллюминаторов показались мне совершенно чёрными. Не сразу понял причину. А она заключалась в том, что снаружи царила почти полная темнота.

Проник в помещении, подплыл к большой люстре в центре салона и ухватился за плафон, осматриваясь по сторонам.

В помещении оказалось десятка три распухших до безобразия трупов. У потолка плавала мебель – стулья и столики. Пол продолжали устилать хорошо сохранившиеся ковры. Кое-где на них лежали столовые приборы, винные бутылки с вдавленными внутрь пробками. Этикеток на них не имелось, все размякли и отлепились от стекла.

Оттолкнулся от люстры, поплыл по салону. Мои движения потревожили трупы, заставив колыхаться. Было впечатление, что мертвецы внезапно ожили. Зрелище не для слабонервных. Я повернул обратно.

По пути взломал дверь одной из кают. Сам не зная, почему? Ничего привлекательного в ней не имелось. Вделанная в пол кровать, столик под иллюминатором и узкий шкаф. На полу лежала размякшая в морской воде детская кукла. Она махнула ручкой, словно приветствуя меня. Я подумал о том ребёнке, которому принадлежала кукла, – спасся ли он?

Вряд ли. Похоже, корабль затонул быстро и мало кто успел спастись, ежели кто-то спасся вообще. Подумал, что могу наткнуться на детский трупик, а этого мне видеть не хотелось.

Я поскорее выбрался наружу и продолжил свой курс на север. Именно где-то там находилась дочь спасённого мною Юллана.

Глава 5. «Атлантида» Ирия

В пути, признаюсь, успел даже вздремнуть, это я мог позволить себе, ибо гиссл нёс меня в нужно направлении. При необходимости он бы вовремя разбудил меня, случись что-либо непредвиденное.

Снилось непонятно что и сразу забылось, едва проснулся.

Потянулся, встал, размялся. Прodelал ряд упражнений, в том числе – и с тяжестями, которые сотворил для меня гиссл.

Когда захотел присесть, то из пола взбух горб, который преобразился в удобное кресло. Я сел и принялся рассеянно рассматривать подводные виды Великого моря.

Обратил внимание на рельеф близкого ко мне морского дна и моё равнодушие словно рукой сняло: очень уж он был необычным. Возникло ощущение, что я не плыву, а лечу над землёй. Даже недоумённо поморгал глазами, не сразу осознав, что не ошибаюсь и вижу то, что вижу.

Долго в недоумевающем состоянии пробывать мне не позволили обстоятельства – впереди я разглядел на подводном плато прекрасный город, вид которого меня просто потряс. Необычные здания с колоннадами вызывали ассоциации с античными городами Древней Греции, Древнего Рима и Помпеи (разумеется, той, какой она была до погубившего её извержения Везувия). Казалось, что в следующие мгновения я увижу на улицах людей, расхаживающих в белых хи-

тонах и с лавровыми венками на головах, ведущими много-мудрые беседы.

Сказал себе: «Уйми свою буйную фантазию! А то вообра-зишь Платона с Критием, Аристотеля, Солона, Сократа, Ар-химеда, Софокла, Фемистокла, царя Леонида, Милона Кро-тонского, Клеобула, Сенеку, Цицерона, Демосфена, а то и слепого Гомера с его творениями. Лучше гляди в оба глаза на то, что имеется в реальности».

Но нет, город был полностью безлюден. Некоторые его строения оказались разрушенными, другие полузанесены илом и покрыты водорослями. Среди зданий плавали лишь стайки юрких разноцветных рыб.

«Неужто и на Ирии имеется своя Атлантида? – мелькну-ло у меня в голове. – Быть такого не может! Потому что не может быть, и всё!..»

Гиссл немедленно сотворил ещё десятка два «рыбёшек», которые тут же принялись организованно и последователь-но прочёсывать город, проникая в здания, постройки, соби-рая в свою память необходимую информацию, которая тут же переправлялась в бездонные архивы Пояса Перуна. Были проведены исследования и анализы строений, грунта, остат-ков утвари.

Довольно долгое время я провёл в медленном плавании между хорошо сохранившимися постройками. Видел вели-чественные храмы, базилики, статуи, стадион, рынок, бас-сейны, порт без кораблей. Приблизился к дворцу, через ши-

рокое окно проник внутрь, там увидел полы и стены украшенные мозаикой со сложными многофигурными композициями различных животных и растений. Изображений людей среди них не было, что меня немного удивило. Уж не существовал ли запрет на это?..

Далее мне бросился в глаза храм из белого мрамора, вход в него был оформлен портиком с четырьмя колоннами. К нему шли три лестницы – большая центральная и две уже по сторонам. В храме оказался алтарь, украшенный замысловатыми рельефами и странными надписями, непонятного мне содержания.

Я поинтересовался возрастом строений. Мне выдали результаты анализа разными методами: построены они были 11-17 тысяч лет назад, под водой оказались около трёх тысяч лет назад. Земляне здесь оказались примерно через пару тысяч лет спустя. Значит, построить всё это они никак не могли. Обнаруженная мною подводная «Атлантида» принадлежала какой-то иной цивилизации. Это меня крайне заинтриговало. Представил себе, какой взрыв радости эта весть вызовет у земных специалистов, они буквально взвоют от восторга. Толпами ринутся сюда. Впрочем, их остановят и пустят не скоро. Если ситуация на Ирии кардинально не изменится. Пока мы тут персоны нон грата. Иначе говоря, крайне нежелательные гости.

Я помнил, что задерживаться мне нельзя: владыки планеты скоро предпримут новую попытку уничтожить меня. Моя

интуиция подсказывала, что это сделать им будет труднее, если я продолжу своё движение.

Но известная мудрость гласит, что человек предполагает, а Бог располагает.

Прямо по курсу морское дно перешло в грозные кручи довольно большого острова. Теперь предстояло принять решение, как двигаться дальше: обогнуть его с запада-востока или перелететь по воздуху. Прямая – самый короткий путь, но лучший ли в данном случае?..

Пришлось остановиться.

Несколько наших «рыб» преобразились в птиц и взлетели в воздух. Их глазами я увидел гористый остров изрезанной конфигурации с множеством заливов, ущелий. А прямо передо мной находилась огромная лагуна. Слева суша длинная языком выдавалась в море. По ней шла вымощенная каменными плитами дорога, которая вела ко дну горной чащи, в которой находилось множество храмов, статуй различных богов и чудовищ, а также четыре пирамиды. Я заметил, что они ориентированы по сторонам света. А в центре находилось самое большое здание, возможно, вырезанное из целой скалы... чуть ли не горы! Очень похожие храмы, но значительно меньшие, я видел в Индии. Все они оказались безлюдными.

Сразу возникло желание осмотреть их. Оправдывало меня и то обстоятельство, что земным аналитикам пригодятся эти данные, ведь я не только удовлетворю своё любопыт-

ство, но и соберу очень много различной информации. А ведь именно за ней меня сюда и послали.

Дал приказ «птицам» осмотреть окрестности, дабы удостовериться, что не буду обнаружен. При рекогносцировки, назовём её так, выяснилось, что, несмотря на отсутствие людей, местность находилась под контролем весьма изощёрённой защитной системы. Практически всю её пронизывала невидимая сеть лучей, и если кто попадал хоть под один из них, то скорострельные лучемёты тут же автоматически открывали стрельбу на поражение. Возможно, где-то срабатывал сигнал опасности и сюда тогда прибывала группа захвата или даже уничтожения непрошенных гостей.

Лучше мне сюда не соваться. Но самолюбие моё было задето, я дал указание Поясу Перуну просчитать варианты безопасного проникновения к главному храму.

Скоро получил ответ, что по земле такой путь невозможен, если не экранировать лучи. Это можно было устроить с лёгкостью, но я уже остыл и напомнил себе об осторожности.

Дал иное задание: а имеется ли такой путь к какой либо пирамиде?..

Спустя секунду-другую получил ответ, что такой существует. Нужно было высадиться на берег у «языка», но не подниматься на дорогу, устроенную на насыпном грунте, который в данном случае служил защитой от невидимых лучей сторожевой системы. Вдоль насыпи следовало приблизиться к ближайшей пирамиде, только в нескольких местах нужно

было пригибаться, в одном даже ползти. Это место, кстати, было заметное: сбоку от дороги находилась скульптура гри-вастого дракона.

Обратил внимание на явное и несомненное сходство этих построек с теми, что обнаружил на морском дне. Догадался, что некогда они составляли одно целое, но потом часть территории в результате какого-то катаклизма опустилась под воду...

У меня всегда был интерес к историческим древностям, подумалось: а почему бы не осмотреть их? Не подводные, а те, что находились на суше. Принялся готовиться к высадке на остров. Более внимательно осматривая пирамиду, я заметил с дальней от меня и моря стороны пробитый в неё лаз. Похоже, поработали неизвестные грабители. Понял: вот почему этот остров так охраняется! Это нечто вроде культурного заповедника, а эти храмы и постройки – памятники древности, культуры. Именно они оберегаются от посторонних визитов непрошенных гостей...

В эту минуту гиссл заметил у северного горизонта – и известил меня о том – группу летательных аппаратов. Они совершенно определённо летели в нашу сторону. Скоро это стало несомненным. Я тут же отменил все свои прежние планы, погрузился в воду и, придав себе внешний облик большой рыбы, поплыл на запад, а затем вновь устремился на север, держась предельно близко к морскому дну. Пусть попробуют опознать и догнать!..

Глава 6. Сражение гигантов

На следующий день, почти в полдень, мои «птицы» в воздухе разглядели близкий берег. Дно становилось всё более мелководным, мне приходилось поневоле всё ближе подниматься к поверхности. А на берегу меня ждали армады бронированных машин – танки, бронеходы. Сверху реяли аэролодки. Сзади за моей спиной показались военные корабли, а из глубины моря поднимались подводные лодки.

«Обложили меня, словно медведя», – подумал я, продолжая свой путь вперёд. Страх я не испытывал, ведь гиссл был со мной, а значит, никто и ничто не способно причинить мне даже малейшего вреда. Правда, было неприятно от мысли, что я так и не сумел уйти от погони, несмотря на все свои ухищрения. Мысленно перебирал всю цепочку последних событий, представляя себя в роли земных аналитиков, и не мог обнаружить ничего такого, что бы мне можно было поставить в вину. Конечно, если судить непредвзято, объективно. При желании и на солнце легко отыскать пятна!..

Я многое бы дал, чтобы оказаться на берегу и наблюдать за тем, как я выходил из моря. Пришлось ограничиться лицезрением себя со стороны глазами «птицы», так что мне удалось посмотреть последующее действие.

Словами зрелище трудно описать, это нужно было видеть! Я просто потряс всех. Они ожидали чего угодно, но только не

того, что увидели, за это я ручаюсь. У меня было множество вариантов, тут годился, практически, любой. Можно было особенно не гадать, как говорится, ткнуть пальцем в первый попавшийся под руку – и действовать. Тут, как в известной поговорке, все дороги вели в Рим.

Мои противники с изумлением увидели, как из-под воды показалось острие копья, затем стал виден шлём на голове человека, похожего на богатыря из древнерусских былин, восседающего на лошади. Вооружение я себе избрал в том же «стиле»: копье, щит, за спиной лук, а сбоку колчан со стрелами и длинный прямой меч. За основу я взял Илью Муромца с картины Васнецова «Богатыри» и добавил кое-что от внешности Святогора. Гиссл послушно исполнил мой «заказ». Главная изюминка состояла в величине, в габаритах. Обитатели Ирия увидели исполина, чей рост превышал десяток метров, а уж с лошадью и того больше. Представьте, какое ошеломляющее впечатление я произвёл, выйдя из моря на берег?

Я уже говорил, что гиссл мог занимать почти любую форму и любой объём, что он и продемонстрировал, став одновременно лошадью и всадником. Внутри находился я, между нами имелся полный телепатический контакт. Я всё видел, слышал и осязал практически всё так, словно действительно являлся таким богатырём. Восхитительное чувство, сродни упоению. Тем более, что я мог посмотреть на всё происходящее глазами «птицы», парившей неподалёку в стороне.

Обитатели Ирия так опешили от всего увиденного, что дали мне возможность выбраться на берег. С меня даже не ручьями, а настоящими реками стекала вода. Целое озерцо я вылил из своего колчана.

Гиссл тут же избавился от воды, придав на секунду всей своей поверхности водоотталкивающее свойство. Богатырь с конём стали совершенно сухими.

Тут-то на меня обрушился шквал снарядов, ракет из всех видов оружия, в том числе – из огнемётов. Сверху военные аэролодки сбрасывали бомбы.

Я лишь смеялся, прикрываясь щитом, сбивал копьём неосторожно приблизившиеся ко мне аэролодки, но так чтобы не причинить большого вреда экипажу. Их послали против меня, они выполняют приказ. Я должен добраться до их главаря или главарей – вот им пощады не будет. А эта шушера пусть себе порезвится, забавляя меня.

Когда мне это надоело, я гикнул и конь понёс меня так быстро, что вслед поспевали только аэролодки. Пришлось прибегнуть к стрелам – ими я повреждал корабли, мешая преследовать себя. Покончив с последним, я продолжил путь без помех. Теперь с каждым скоком конь с наездником становились всё меньше и меньше, и скоро стали вполне обычными на вид.

Большой город объехал стороной, не приближаясь к нему. Но совсем проигнорировать его я не мог: задачу изучать планету никто с меня не снимал. Одна из копыт слетела с кон-

ской ноги, полежала и превратилась в зверушку, та метнулась в кусты, а метров через двадцать преобразилась в птицу и полетела в город. Всё увиденное и услышанное ею там передавалось в память моего Пояса Перуна для будущего изучения на Земле.

Вместо потерянной подковы гиссл тут же на бегу отрастил другую, нисколько меня не потревожив, словно ничего и не произошло.

Ландшафт постепенно менялся. Пришлось мчаться через лес. Особенно я не церемонился, ибо спешил: позади образовалась просека из поваленных деревьев.

На горизонте птица заметила гору. Постепенно она увеличивалась и скоро я заметил, что мне навстречу движется настоящее чудовище: оно было покрыто роговой бронёй, сзади тянулся тяжёлый хвост с щипом на конце. Зверюга встала на две задние лапы, угрожающе задрал к небу огромную морду, при этом опираясь на хвост, который служил ей дополнительной точкой опоры. Я не был специалистом в области палеонтологии, но это чудовище показалось мне копией самого свирепого хищника земли – тираннозавра. Только передние лапы явно длиннее, толще и сильнее. Да и на лбу имелись рога. Для боя он был подготовлен как нельзя лучше.

Я усмехнулся. Гиссл по моему указанию вырастил богатыря соответствующих размеров. Это было впечатляющее зрелище: русский богатырь на могучем скакуне против змея горыныча!

Боя никто не начинал. Настал момент истины. Я всё понял: оказывается, у правителя планеты, которого тут именовали Всемогущим, был свой гиссл. Именно от него он узнавал, где мы находились. Ведь гисслы не только владеют тем, что мы именуем ясновидением, но и способны поддерживать между собой связь, находясь практически на любом расстоянии – оно для них не преграда. Что знал один, то знал и другой. Никто ничего не скрывал, а уж тем более не врал. Нужно было только уметь спрашивать, сами гисслы в разговор не вступали и отвечали только на конкретные вопросы. Несомненно, владыка планеты умел спрашивать, а вот обо мне этого не скажешь. Увы, увы, увы. Но вспомнив о кулаках после драки, оставалось лишь быть ими себя по голове.

Я вздохнул. Хотел задать своему гисслу вопрос: «Ты знал об этом?», как он тут же ответил: «Да». Он-то знал, но я не спросил его, не догадался, совершенно не предполагая подобного варианта. Мог бы своевременно задать вопрос и тогда бы получил ответ. Но – увы – не догадался. А вот Всемогущий оказался умнее. Теперь понятно, почему появилось подобное прозвище – он с гисслом, действительно, почти всемогущ. Ай да сукин сын, ай да молодец!..

«Что же делать? Что же предпринять?» – гадал я.

Потом подумал. Что раз уж у нас такой сказочный вид, то продолжим в том же духе: мой гиссл как бы съёжился, уменьшился в размерах и превратился сокола, внутри которого находился я. Сразу же взмыл в небо и устремился на

север.

Посмотрим, что он предпримет в ответ?

Оглянулся и увидел, что динозавр немедленно оборотился в хищную птицу, вроде коршуна, и понёсся за мной вдогонку.

Заметив впереди широкую многоводную реку, я камнем упал в неё и стал рыбой. Преследователь повторил мой манёвр, только его рыба имела куда более грозную наружность.

Река принесла свои воды в озеро. В нём мы носились чуть ли не час, взбудоражив толщу, перепугав всех обитателей. В конце концов я пожалел их, выбросился на берег и превратился в волка размером с быка, со всех ног побежал в сторону севера. Сверху я разглядел, что где-то там вдали находится город.

Преследователь мчался за мной в образе шестиногого зверюги ещё больших размеров, щелкая ужасной пастью.

На равнине перед городскими стенами я снова принял облик богатыря-великана, на сей раз без лошади, доспехов и оружия. Одноглазым, как циклоп, одетым в набедренную повязку. Мой противник стал таким же исполином, но только с лишней парой мускулистых рук.

По его примеру я отрастил себе точно такие же и пригнулся, готовый ринуться в схватку, с мыслью: «Ладно, давай поборемся!» Наши руки даже не успели коснуться. Произошло совершенно невероятное: в самый последний момент гиссл словно рухнул на землю, освободился от меня, извергнув из

себя наружу, и принял форму огромного валуна в человеческий рост. Никогда в жизни я не был столь обескуражен...

Наверное, я долгое время пробыл в состоянии, близком к полной протрации, а когда опомнился, то увидел, что окружён вооружёнными людьми. Они целили в меня свои огнёмёты.

– Сдавайся! – услышал я чьи-то слова.

Покачал головой, но набежавшая толпа меня связала крепчайшими путами.

У меня отняли всю одежду, первым делом сняв пояс. Оставили совершенно нагим. Кто-то повторил: «Нужно исполнять команду: «Забрать всю одежду и особенно его пояс. Это самое главное – пояс! Ничего не оставлять. Ни одной нитки. Совершенно ничего».

– Кто ты? – услышал я вопрос.

– Землянин, житель Земли, – ответил машинально, не думая.

Повернулся лицом к тому, кто спрашивал меня. В его глазах сверкнула молния. Тут я окончательно пришёл в себя и понял, что передо мной стоит Всемогущий. Я смог хорошо его разглядеть. Он был русоволосым, статным мужчиной, примерно моего роста. Я отметил про себя, что у него приятное лицо, с почти прямым носом и волевым подбородком. Выглядел он моложавым, но глаза были тусклыми, под ними мешки. Он часто моргал, словно тоже ещё не пришёл в себя и не совсем понимал, какие вопросы мне задавать.

В этот момент к нам приблизились неприятные особы. Все в тёмных одеждах, круглых чёрных шапочках, с хищными крючковатыми носами. Взгляды у всех цепкие, словно у хищных птиц. Один из них попытался меня загипнотизировать, но я вовремя заметил это и применил защиту от волевых воздействий на психику извне. Это знал и умел каждый агент моего уровня. Правда, я скрыл это, сделал вид, что не устоял, поддался гипнозу, поник, словно потеряв над собой контроль.

Впрочем, гипнотизёра это не удовлетворило, он явно ожидал большего. Подошёл к Всемогущему, принялся в чём-то его убеждать. Тот отрицательно помотал головой:

– Это мой приказ: его заточат в тюрьму, в Пеклище. Мы ещё успеем его казнить, уважаемый наставник Мен-сиолф.

«Выходит, эти неприятные типы и есть те сиолфы, о которых я слышан, – подумал я. – Именно к ним отправили дочку Юллана».

Решительным жестом Всемогущий отверг все возражения.

По его приказу мне дали прикрыться поношенной рубашкой и такими же брюками.

Потом меня посадили в аэролодку, она поднялась и полетела. При взлёте я успел заметить через иллюминатор, что на равнине остались лежать два валуна удивительно похожими друг на друга. Один из них был моим гисслом. «Был, – обожгла меня горькая мысль, – а потом гиссл предал меня».

Я считал, что такое невозможно. Выходит, и невозможное возможно.

Хотелось плакать, но не было слёз.

Глава 7. В тюрьме

Сопротивляться не хотелось. Да и не имело смысла. Я безропотно дал отвезти и поместить себя в тюрьму Пеклище.

Попутно – больше подсознанием – я отметил живописность местности, над которой пролетал в аэролодке. По ней причудливыми извилинами текла тихая река. В одном месте находился высокий скальный выступ – почти гора. Река уважительно обтекала его, делая почти полную петлю. Я подумал, что похоже на Самарскую Луку в миниатюре: там Волга течёт очень похоже, по совсем немного не замкнутому кругу. В том месте промежуток чуть более десятка километров.

На скале находился словно бы средневековый замок. При полёте я заметил, что он оснащён современной круговой системой обороны, значит, ведётся электронная разведка. Несомненно, имелись боевые системы, необходимые для отражения атаки. Замок закрывал силовой купол, который по радиосигналу открылся и позволил нам приземлиться на мощном брусчаткой дворе.

Затем я словно бы совершил путешествие во времени: входные врата открылись автоматически, холл был оборудован электроникой, а по мере того, как меня вели вниз, в подземные (точнее, подскальные или внутрискальные) казематы, элементы цивилизации исчезали, а в моей камере о ней напоминала лишь тусклая электрическая лампочка прикры-

тая металлической сеткой под потолком. Меня грубо втокнули внутрь и захлопнули массивную деревянную дверь. Заскрипел засов, проскрежетал ключ, совершив несколько оборотов.

Я остался один. Оглядел помещение, вживаясь в обстановку. В почти квадратном помещении имелась лишь каменная лежанка, покрытая тонким слоем соломы, рядом с ней торчала из стены маленькая полка, которая заменяла стол. В углу находились примитивного вида «удобства» для отправления естественных надобностей узника.

Пожал плечами: мол, ладно, побуду тут некоторое время, если хотите. Присел на каменную лежанку, заметив, что она оказалась каменным монолитом, несомненно, была не принесена сюда, а вырезана при создании каземата. Как и полка. Они являлись частью скалы, как и всё строение.

Принялся обдумывать своё положение.

Мой гиссл в решающий момент «вышел из игры» – принял форму каменного валуна. Почему?

Рядом с ним находился точно такой же камень. Совсем не случайно, это был другой гиссл: тот, в котором находился мой противник. Друг против друга встретились два гиссла и они «не подняли руку» на себе подобного, ушли «в аут». Винить их нельзя. Да и – я поёжился – трудно представить, что случилось, если бы гисслы всерьёз принялись драться между собой, используя свои невероятные – поистине божественные – возможности. Вполне возможно, что не только

разнесли всю планету, но звёздную систему в целом. Господи, упаси нас от такого!..

Припоминая подробности своего пленения, я заметил, что тогда особое внимание оказывалось моему поясу. Его сняли в первую очередь. О чём это говорило?.. Я понял почти сразу: им что-то известно о Поясе Перуна. Это и не удивительно, если вспомнить, что враги знали обо мне очень многое, находили всюду, где я находился. Только отставали от меня по времени. Отставали совсем немного, я имел небольшой гандикап во времени, которым и пользовался до поры до времени. Наверное, это объяснялось тем, что мои противники умели задавать вопросы своему гисслу, получали правильные ответы и пользовались ими при поисках меня. Как-то они ухитрились получить сведения о Поясе.

Я усмехнулся. Мой поясной ремень они забрали, но слово «пояс» ввело их в заблуждение. Пояс Перуна – при необходимости – мог принять вид обычного брючного ремня, но так он назывался только образно, в переносном смысле, ибо обычно его носили на талии, он облегал поясницу, будучи практически не отличим от человеческого тела. Разницу можно было выявить лишь с помощью специальной аппаратуры. Снять его с меня без моего дозволения было невозможно.

Пояса Перуна земным специалистам позволило изготовлять знакомство с гисслами. Люди задумались о новых возможностях, принялись настойчиво искать и создали совер-

шенно новые технологии. До этого передовыми считались нанотехнологии – управление материей на уровне молекул и атомов, а теперь стало возможным оперировать и более мелкими частицами, создавая материалы с совершенно фантастическими свойствами. Правда, и они позволили лишь сократить дистанцию между тем, что было возможно гисслам, и теперь стало доступно человечеству. В какой-то степени Пояса Перуна являлись бледными копиями той субстанции, из которой состояли гисслы. Но даже такими они превращали человека ежели не в бога, то в полубога.

Я снова удручённо покачал головой, осознав своё трагическое положение.

Главным потрясением для меня стал пассивный отказ от помощи (или: сотрудничества?) моего спутника, который до того был безупречным другом и верным помощником, обеспечивал мне фактически абсолютную безопасность. Правда, и сейчас мало кто мог нанести мне хоть какой-то вред – Пояс Перуна этого не допустит. Тем более, что у моих врагов уже нет гиссла. Трудно предполагать наличие у них второго, даже владение одним гисслом было невероятным делом. Ни в каком ином обитаемом мире, а человечество открыло их уже свыше сотни, гисслов не имелось: только на Земле и, как вот только что стало известно, на Ирии. Это станет огромным сюрпризом нашим специалистам, доселе они считали, что человечество является монополистом в этом деле.

У меня возникло сильное искушение выйти на свободу

немедленно, но я укротил своё нетерпение, решил прежде всё хорошенько продумать. Не спешить, дабы людей не на-смешить.

Прилёг, заставил себя расслабиться, используя известные формулы самовнушения, и уснул с мыслью: «утро вечера мудренее...»

Идея пришла на второй день. Я тут же принялся осуществлять её. Накануне мне принесли еду: чашку какой-то каши из крупы и овощей, кусок хлеба и кувшин с водой. Отведав тюремные «харчи», хмыкнул – явно доставили не из ресторана, но еда имела довольно приятный вкус. Съел практически всё, так как проголодался.

Потом спохватился: по моему плану в посуде должна оставаться якобы несъеденная еда.

Тут же отдал мысленный приказ Поясу Перуна. Он отрас-тил комочек, который отделился от него и по воздуху перелетел к потолку, покатался по нему, собирая грязь и увеличиваясь в размерах. Всё это в досталь имелось на стенах, на моей лежанке и на полу, но не следовало оставлять видимых следов. Могут возникнуть подозрения, как они возникли, что тому причиной?..

Комочек впятеро увеличился в объёме вдвое, вернулся вниз к столику, где разделился: большая часть заполнила почти до краёв чашку кашей, а меньшая стала куском хлеба, лежащим рядом. Они ничем не отличались от того, что мне принесли.

Искусственно созданная еда была практически идентична настоящей, в крайнем случае можно было питаться и ею, но меня остерегали делать это. Бережёного бог бережёт. На Земле только велись исследования такой синтезированной пищи, выяснялись последствия для человеческого организма. Полной уверенности в её безопасности для здоровья человека не имелось. Так что питаться ею я остерегался. А вот сделанные яства гисслом съел бы за милую душу: он творил абсолютно точные аналоги, и даже лучше! Это было выяснено совершенно точно нашими лучшими экспертами.

Скоро пришли тюремщики.

Я принял хворый вид, притворяясь, будто заболел. Кашлял, жаловался на боли в груди и животе.

Они немного поворчали, что я не стал есть, но забрали с собой мои «муляжи», оставив взамен нормальную еду.

После их ухода я тут же съел её, а мой Пояс взамен изготовил другую, собрав материал для синтеза с поверхности потолка и частично со стен, а ещё использовал часть воздуха, избавив его от самых неприятных газов. Им снова было заменено то, что я съел и выпил.

Пояс Перуна изготовил мне грим, который позволил мне выглядеть измождённым от голода человеком. И эти видимые человеческими глазами признаки истощения день ото дня усиливались. В полутёмной камере при отвратительном освещении его можно было симулировать довольно просто.

Тюремщики даже перестали ворчать, махнув на меня ру-

кой:

– Не хочешь – не ешь. Нам-то что, тебе же хуже – быстрее сдохнешь. Нам меньше забот.

Понятно, я бы не выдержал столь длительного заключения в маленькой камере, но Пояс Перуна обладал, помимо многого прочего, морем информации – из книг, фильмов, средств массовой информации, различных игр, головоломок. Он ловил местные радио- и теле-передачи, сотворив для меня огромный экран на всю стену. Во время прихода тюремщиков он в долю секунды превращался в поверхностный слой стены каземата толщиной в миллиметры. Потому был совершенно незаметен человеческому глазу. Расскажи я им о таком, то они всё равно не смогли бы его обнаружить, осмотрев и ощупав, сочтя, что я мелю чепуху: то ли в шутку, то ли сдуру, то ли сходя с ума.

Нашлось время и для изучения внутренних помещений тюрьмы и наружной площади с прилегающими окрестностями. Пояс Перуна, как и гиссл, был способен отделять от себя частицы субстанции и те могли трансформироваться во что угодно – в подобие мыши, птицы или насекомого, которые проводили разведку, передавая изображение в камеру тюрьмы на мой монитор. Так что постепенно я изучил имеющуюся систему охраны замка досконально.

Поначалу я намеревался выждать дней десять, но меня хватило всего лишь на неделю. Всё же заставил себя просидеть в камере ещё один день. Затем принялся действовать

активнее.

Проблемой была нехватка исходного материала для моих манипуляций, назовём их так. Воздух перерабатывался Поясом Перуна, но на это уходило слишком много времени, нужны были более плотные массы. Я даже употребил на свои цели грязь с огромных ботинок тюремщиков, когда они приходили в мою камеру, чего они совершенно не замечали. Потом подумал, а чего я стесняюсь, и приказал использовать каменную массу стен, забирая её так, чтобы внешние сие оставалось незамеченным, по большей части ближе к потолку. Так что камера моя стала несколько больше к моему ухodu, а потолок чуть выше.

И вот настал решающий день и час.

Перед приходом своих сторожей, я притворился валяющимся без сил от длительного голодания. Только чуть шевельнув головой и приоткрыв веки. Они даже посочувствовали мне. Посомневались, но еду всё же оставили.

Едва закрылась дверь камеры, как я бодро встал, сдерживая радостный смех, в предвкушая скорую свободу.

Минувшие дни Пояс Перуна, помимо изготовления суррогатной еды, вёл заготовку необходимого материала, используя грязь, пыль, соскрёбы со стен и потолка. Конечно, можно было бы использовать и воздух, но это заняло бы слишком большой отрезок времени. Мне нужно было всё сделать быстрее.

Заготовленный материал отправлялся на потолок, по ко-

торому он равномерно растекался, приняв вид камня. Поэтому был совершенно незаметен.

Теперь же вся эта масса стекла по стене на лежанку и приняла вид высохшего от голода труп человека, отдалённо похожего на меня. Голодание имитировалось с той целью, чтобы не заметили того факта, что останки весят вдвое меньше меня.

Было слишком мало времени и исходного материала для Пояса Перуна, чтобы изготовить более натуральную «версию». Впрочем, вряд ли кто особенно запомнил, каким я попал в заключение. Подумают, что на самом деле я был куда более худым, чем они помнят. Сомнения могут возникнуть, но особенно заморачиваться этим не будут, картина умершего от голода узника весьма правдоподобная, вкуче с моим длительным «голоданием». Для более полного правдоподобия я обрядил «муляж» в ту одежду, что находилась на мне, а сам надел другую – сотворённую мне накануне Поясом Перуна из той субстанции, что он заготовил. Она копировала на ту, что носили средние слои обитателей Ирия – шаровары, свитер, тонкую куртку и низкие ботинки. Я не должен был заметно отличаться от них.

Сначала я намеревался пренебречь принесённой мне едой, планируя хорошо отобедать на воле, но ждать пришлось бы около шести часов. Я не выдержал, съел настоящую еду, а на её место Пояс Перуна тут же поместил весьма натуральную подделку.

Я решительно подошёл к двери. Прижался животом к двери: Пояс Перуна выпустил отросток, который сквозь щель прошёл наружу, свернул к замочной скважине, проник внутрь... Через считанные секунды приобрёл нужную форму, как у ключа, моментально затвердел и, провернулся, открыв замок...

Отросток Пояса вернулся на место, я потянул на себя дверь и вышел на свободу.

Для полного порядка тем же способом водворил засов на прежнее место.

Перекрестился и двинулся по коридору к выходу.

Впереди меня полетела сотворённая Поясом «стрекоза», которая вела предварительную разведку и предупредила бы меня о внезапно возникшей опасности.

Пояс Перуна включил антиграв и я не шёл, а бесшумно летел над полом по коридору, на всякий случай используя режим невидимки. На солнце или при очень хорошем свете меня ещё можно было бы разглядеть (я казался бы размытым облачком, напоминающем человека), но в полутьме увидеть меня было невозможно. Конечно, человеческим глазом.

Раза два мне приходилось взмывать вверх и прижиматься к потолку, когда по коридору проходили стражники. Но они ничего не заметили. Трижды Пояс открывал и снова закрывал, но уже за мной, решётчатые двери. И вот я оказался во внутреннем дворике замка. Поднялся вверх, присел на барельеф ближайшего окна.

Вот-вот должна была наступить полночь. Всё происходило по разработанному плану. Внутри главного компьютера тюрьмы давно находился запущенный туда мной «жучок». Получив команду, он пробудился, сразу же перегрыз нужный проводок, вызвав короткое замыкание, последствием которого стало отключение электронного наблюдения за нужным мне сектором замка. Пояс Перуна подал мне сигнал: «Пора! Можно двигаться!...»

Я не спешил, ибо знал, что времени вполне достаточно, но и задерживаться тут мне не хотелось, по вполне понятной причине. Антиграв понёс меня к зубцам крепостной стены, я пронёсся над ними и не смог сдержать невольного возгласа. До этого я летел в нескольких метрах над брусчаткой замка, а тут вдруг передо мной открылась бездна, дно которой я не различал. Пришлось укрощать лёгкий приступ страха. Летал я не в первый раз, но всё равно холодок внутри роился. Слишком высоко и неожиданно тут оказался.

Огляделся. Увидел мерцание воды в реке, текущей справа от меня, звёзды в тёмном небе и россыпь огней вдали. Несомненно, то был город. К нему и направился.

Скоро я полностью овладел своими эмоциями, внутренне расслабился и даже получал удовольствие. Удивился, что полёт с Поясом в чём-то даже приятнее, чем с гисслом. Удивительно, но это было так. Попытался понять: а почему?..

Вдумался в свои ощущения. Гиссл обеспечивал полную безопасность, комфортность и скорость, это да, но всегда

знаешь, что тебя несут, а сейчас у меня было ощущение, что летел я сам – левитировал! – без всяких видимых механизмов. Как во сне! Дивное ощущение!

Направился по прямой к далёкому городу. Пересекая лесок, Пояс Перуна послал мне сообщение, что неполадку в компьютере нашли, сочли её естественной, подозрений она не вызвала. Проводок заменили, компьютер заработал. На потолке над ним находился наш «контролёр», похожий на маленький плоский комок грязи, цветом ничем не выделяющийся. Он должен предупредить меня, если возникнут подозрения и будут предприняты какие-то меры... Пока никто тревоги не поднял, да и, видимо, не поднимут – мой «номер» прошёл без сучка и задоринки. Иного трудно было ожидать.

Глава 8. На свободе

Огни становились всё заметнее и крупнее, я уже различал улицы, отдельные здания, скверы, бурлящие фонтаны. В этот момент пожалел, что для побега была выбрана ночь. Да, она способствовала мне, но теперь предстояло где-то коротать время до утра. Впрочем, что-нибудь придумаю!..

Приземлился на безлюдной улице. Пояс Перуна просканировал окрестность и отключил режим невидимости. Теперь я должен вести себя, как обычный пешеход. Не сразу привык к этому и спотыкнулся о брошенный кем-то довольно крупный камень. Сдержал невольный возглас.

Через квартал увидел ярко освещённые окна. Вывеска сообщила, что там находилась таверна. А вот она мне кстати, проведу там ночь под видом гуляки! Заодно лучше изучу людей, вникну в конкретную обстановку, чтобы потом разработать план дальнейших действий...

Спохватился: в подобных заведениях всякое случается, туда заходят люди определённой формации, скорые на конфликты, например. Конечно, Пояс Перуна обеспечит защиту, но она будет весьма специфической, скажем так. Прдемонстрируй я её в полном виде, глаза на лоб у всех полезут, а я не должен выделяться среди остальных...

Огляделся. В этот момент я находился около дома, который был ограждён высоким забором. Перед ним росли дере-

вья и кустарник. Я выбрал укромное место, присел как бы для отдыха на край канавы. Дал команду Поясу Перуна, а в настоящее время им являлся не только он сам, но и буквально всё на мне, что было им создано – одежда, обувь. Основное, ядро, находилось в одном месте, ближе ко мне в районе моей талии, а всё остальное было маловажным, управляемым, что можно было изменять или даже отбрасывать при ненадобности.

После моей команды задняя часть полы пиджачка принялась опускаться вниз, быстро расти и расползаться во все стороны, обволакивая всё, что находилось на земле, при этом перерабатывая захваченное на молекулярном или даже атомном уровне в то, что мне было нужно. Тонюсенькая плёнка толщиной в микроны, разбухла на сантиметры и волнами текла ко мне и превращаясь в новую одежду... вернее, одежда оставалась практически прежней внешне, но только более толстой становилась материя, появилась подкладка под пиджаком, свитер приобрёл довольно высокую горловину. Так запасалась масса необходимого вещества, чтобы потом создавать из неё всё то, что мне понадобится позже по ходу. И создавать быстро.

На куртке сформировались большие накладные карманы. В них появились синтезированные серебряные ралы и пара золотых динаров, по подобию того, которым я расплатился за гостиницу в городе Каслаане. Откуда-то всплыло имя хозяина «Буурак». Деньги мне обязательно понадобятся. Если

будут не нужны именно такие, то Пояс Перуна вмиг преобразит их в иные, которые здесь в ходу.

Минут через шесть-семь в моих руках оказался грубо сделанный на вид нож с неказистой деревянной рукояткой, на который сложно было кому-либо позариться. Свойства же он имел замечательные – необыкновенную твёрдость лезвия с остротой бритвы, на уровне лучших сортов булата или дамасской стали, а в рукоятке находился лазер двойного действия – он мог удлинять лезвие энергетическим лучом, превращая его в меч, а мог и выпускать видимый – или невидимый – луч, разрезающий сталь на расстоянии свыше десяти метров. Ещё полминуты ушла на синтезирование ножен с поясом.

Я надел его на себя, проверил, насколько удобно вынимается нож. Между тем Пояс Перуна вернул свой «язык» на место, теперь он весь находился на моей талии, приняв вид обычный человеческой плоти.

Теперь можно было отправляться в таверну.

Поднялся по деревянным ступеням. Одна заскрипела особенно сильно, расшатанная ногами множеством посетителей, проходивших по ней до меня.

За дверью оказалось довольно чистое помещение со сторонами метров двадцать каждая. Часть её занимала стойка, за которой находился грузный телом хозяин с пышными усами и зачёсанными назад волосами. Он сразу поднял на меня серые любопытствующие глаза: какой же гость сюда явился?

Медленно поднялся. Я заметил его могучие плечи, с них свисала серая рубашка в едва заметную крупную клеточку. Рукава её были заворочены выше локтей, обнажив мускулистые волосатые руки. Он воззрился на меня.

Я бросил взгляды влево-вправо.

Оказались заняты три стола. За одним спал какой-то одинокий мужчина, положив голову на руку. Никакой еды или напитков около него не было.

За соседним столом в левом углу пил из стакана сухопарый мужчина в потёртой кожаной безрукавке и старым плащом за плечами. На стол была брошена мятая чёрная шляпа. Он пил содержимое пузатой бутылки из мутно-зелёного стекла. Несомненно, в ней находилась жидкость с энным количеством градусов. Ещё перед ним находилась тарелка с каким-то мясным блюдом.

В следующее мгновение я разглядел рядом с женщиной мальчишку в оборванной одежде, сидящего на корточках и привалившегося спиной к стене. Он низко опустил голову и, похоже, дремал.

По правую сторону от меня за столом находилась, как я догадался, семья: худощавый мужчина с усталым лицом, русоволосая женщина с простым встревоженным лицом. С ними находилась девочка лет шести. Она широко зевнула и тут увидела меня. Сразу же рот её закрылся, девочка уставилась на меня.

Одновременно я заметил, что всё пристальнее рассматри-

вает меня хозяин, ему нужна конкретика: чего гостю нужно?

Впрочем, моя задержка в пяток секунд или чуть больше естественна: человек оказался здесь впервые, ему нужно прежде оглядеться. При этом в сторону стойки бесшумно уже неслась крошечная мошка, сотворённая Поясом Перуна. Маленькими глазками там всё осмотрела – я тоже всё видел – денег не было. Рядом с туловом хозяина находилась ручка выдвижного ящика. Несомненно, выручка – или её часть – находилась в нём.

Мошка пролезла в ящик, нашла лежащие там монеты и побегала по ним, фиксируя как их внешний вид, так и материал, из которого они были изготовлены, передавая информацию Поясу Перуна. Там находились серебряные и даже медные монетки. Одна из них была «ралом». Значит, они здесь в ходу. Одна из монет была золотой. В следующие секунды мои динары в кармане стали точно такими же, с небольшой разницей в тоненькой плёнке патины и грязи, микроцарапинах. Это для того, чтобы не вызвать подозрение абсолютным подобием.

Я изобразил усталую улыбку и сказал:

– Доброго здравия тебе! И пусть твои дела идут преуспевающе. – Слышал такие приветствия в Каслаане.

Он буркнул:

– И тебе здравия. Ещё что-нибудь нужно, кроме него? – он явно решил пошутить.

– Давно иду. Только добрался до вас. Чего-нибудь поесть

и выпить. Пока не вино. Слишком устал. Развезёт. А попозже возьму бутылку.

Я заметил, что из двери за спиной здоровяка выглядывает круглое женское лицо. Он отдал ей команду. Затем повернулся ко мне:

– Чем платить будешь?

Я достал горстку ралов из кармана и протянул ладонь с ними, говоря:

– Цена тебе известна, а мне нет. Бери столько, сколько нужно. Вижу, ты честный человек, лишнего не возьмёшь. Я тебе доверяю.

Он отнекиваться не стал, отсчитал сколько-то, забрав большую часть того, что у меня было.

Почти сразу женщина пронесла мимо меня пару тарелок, кусок хлеба и небольшой жбан с каким-то напитком, обдав ароматами, который вызвали у меня выделение слюны. Поставила их на стол.

– Это твоё, – небрежно показал взглядом хозяин.

Я поблагодарил его и направился к указанному столу. Он находился рядом с тем столом, который занимала семья. Взрослые отводили взгляды, а девочка не сводила с меня просящих глаз. Сверкнула в голове догадка: «А ведь она голодная! И не ела давно». На их столе вообще ничего не было.

Мать одернула дочь тихими словами, но я их расслышал:

– Не гляди на него так, а то нас отсюда выгонят. Приставал тут не любят. А нам идти некуда.

Это резануло моё сердце. Понял, что их пустили сюда из милости.

Стоящая передо мной еда – мясное рагу и овощной салат выглядели и пахли очень привлекательно, но я не мог приступить к еде на глазах у голодных людей. Это было выше меня.

Мне пришла идея.

Я отпил из жбана напиток, горло моё пересохло. Это был приятный кисловатый остуженный отвар каких-то ягод. Какое-то их количество плавало сверху.

Поднялся и направился к стойке.

– Ещё чего-то? – осведомился хозяин.

– Решил выпить вина. С тобой. У меня сегодня день рождения. Надеюсь, ты составишь мне компанию.

Здоровяк втянул воздух в грудь. Чуть помедлил и с явным сожалением ответил:

– Я не против, но мне тут ещё стоять до утра. И лучше быть трезвым. Стражники заглядывают, проверяют. У нас с этим строго.

– Жаль. – Тут же спохватился: – Давай две бутылки самого хорошего вина, какое только у тебя имеется. Одну бутылку мне, а другую тебе. Выпьешь потом за моё здоровье. Я поищу тех, кто выпьет со мной.

После этих слов я направился к семье. Поздоровался и спросил:

– Наверное, вы слышали, что я сказал этому доброму че-

ловеку. У меня сегодня день рождения и я прошу вас составить мне компанию. Я угощаю! Никаких возражений. В такие дни нельзя отказывать. Сейчас всё закажу.

Вернулся к хозяину и велел принести тоже самое, что и мне, всем троим, а ещё бутылку две бутылки вина. Одну – ему.

В подтверждение своих слов достал сразу обе золотые монеты. Это было ошибкой.

Краем глаза я заметил удивлённое лицо и блеснувшие глаза мужчины, сидящего за столом слева за бутылкой вина.

Протянул хозяину одну монету, другую вернул в карман. Он распорядился, и женщина принялась носить из кухни тарелки и жбаны. Хозяин вручил мне полную горсть серебра сдачи.

Я заметил, что усач растолкал спящего подростка, что-то ему сказал предельно тихим голосом и тот выбежал из комнаты наружу.

«Интересно, куда он послан и с каким заданием?.. – подумалось мне. – Нужно быть готовым ко всему».

Перенёс свои тарелки и жбан на стол к семье. Девочка уже налегала на мясо и хлеб, хотя мать тихо шикала на неё, укаывая не жадничать, есть медленно.

Пить вино женщина вежливо, но твёрдо отказалась: «мне нельзя».

Её муж немного выпил, но совсем мало, лишь из вежливости ко мне. Я подумал, что действительно ему напиться не

следует. Бережёного бог бережёт. Мне тоже нужно хранить ясную голову. Потому я лишь продегустировал вино, отметив его приятный вкус. Принялся налегать на безградусный напиток в жбане.

Расспросил мужчину. Он объяснил, что они в городе по пути в своё селение. Деньги кончились, за комнату для отдыха заплатить нечем. Хорошо хоть, что хозяин пустил их сюда из милости. Несколько раз гнали из других мест, едва узнавали, что им платить нечем...

Тут я заметил, что хозяин делает мне знаки, подзывая к себе.

Я подошёл. Он глазами показал на усача и почти шёпотом произнёс:

– Вижу, что ты хороший человек. А вот тот – нет. Он видел твои деньги и... Советую побережись.

Я поблагодарил его за предупреждение и сказал:

– Мне нужны две комнаты – для меня и для вон той семьи. Хочу, чтобы им было хорошо в мой день рождения, раз они не отказались его со мной отметить.

Протянул горсть серебра:

– Бери, сколько нужно. По хорошей комнате для них и для меня.

Хозяин моментально забрал часть монет и заверил:

– Будут комнаты. Как захотите туда отправиться, скажите, вас по моей команде проводят.

– Уже скоро, – заверил я, – пусть только доедут всё то, что

им принесли.

Здоровяк оглядел меня и шепнул в последний раз:

– Поберегись...

Я кивнул в знак того, что всё понял. Дал понять, что его предупреждения достаточно.

Вернулся к столу. Все тарелки уже оказались пустыми, за исключением моих.

Я сообщил, что заказал комнату для всей семьи – в честь своего дня рождения – и они могут отправиться в неё немедленно. У женщины даже слёзы благодарности навернулись на глаза, она принялась меня благодарить самыми пылкими словами.

Мужчина засмутился, хотя благодарить меня было не за что, эти деньги ничего для меня не стоили, Пояс Перуна мог сотворить их сколько угодно, в любом количестве – и серебряные, и золотые. Да хоть алмазные!

Попытался успокоить его совесть:

– Когда-нибудь вы тоже кому-то поможете. Может быть, даже и мне. – Вспомнил старую русскую поговорку: – Это гора с горой не сходятся, а человек с человеком всегда сойдутся. Тогда долг вернёте. Впрочем, какой долг – сегодня же день моего рождения. Это я вас должен благодарить, что вы составили мне душевную компанию. Хоть как-то отметил его, иначе бы вообще один куковал.

Сделал знак хозяину, тот прислал подростка, явившегося из задней комнаты, и тот повёл супругов и их дочь в ком-

нату. Прощаясь с главой семьи, я незаметно сыпануло ему в карман горсть серебряных монет. Золотую оставил, опасаясь, что потом у него могут возникнуть проблемы с размером. Кто-то позарится на неё и обвинит в краже. Лучше побережся.

Сам же остался в зале, мне ещё предстояло доесть то, что оставалось в тарелках. Вино допивать я не стал, очень уж подозрительным выглядел мужчина, усердно делающий вид, будто совсем не глядит в мою сторону. Отодвинул бутылку в сторону.

В этом момент уловил неожиданную перемену в нём. Сразу не смог понять: а в чём она? Внешне выглядел он как обычно, вёл себя практически также...

Понял, изменилось его настроение. До этого он словно нервничал немного, ёрзал, а теперь вдруг расслабился, успокоился. А почему? Несомненно, мужик дождался тех, к кому отсылал мальчишку. Они явились и уже ждут на улице у входа. Как-то они дали ему знать о себе. Возможно, через окно, находившееся совсем близко сбоку от него.

Родилось любопытство: что же они намерены учинить в отношении меня?..

Мужчина чуть повернул голову и глянул на меня искоса. Внезапно я разглядел на его левом боку длинные ножны. Сабля! До этого я её не видел, оружие закрывала его фигура и стол со стулом.

У меня был только нож. Я мог бы пустить в ход скрытый

в его ручке лазер или световой меч, но сам себя остановил: нельзя использовать ничего из того, что вызовет удивление и слухи. Нужно пустить в ход что-то иное.

Потеребил край полы своей куртки, от неё отделились четыре мошки: одна направилась к потенциально опасному мужику, а точнее к его оружию, три остальные через неплотно прикрытую дверь выбрались наружу. Через них я узнал, что там находятся два мужика в низко надвинутых на голову чёрных шляпах с полами, каждый имел при себе саблю, а один ещё и кривой нож. Они переминались с ноги на ногу. С ними находился мальчишка. Он показал рукой на вход в таверну, но мужчины его остановили.

«Ещё не время, – понял я. – А когда придёт это время?..»

Приказал мошкам направиться к саблям всех троих и в зазор между саблями и ножами выпустить моментально схватывающийся суперклей. «Пусть действует в пределах двух часов!» – послал такую команду через Пояс Перуна. Мошки же потом должны были пробраться через ворота к спинам подозрительных субъектов, а по ним ещё ниже...

Не спеша допил напиток в жбане. Отёр губы, взял в руки недопитую бутылку вина, поднялся и пошёл к стойке. Крикнул хозяину, что хочу отдохнуть, пусть меня проводят.

Неожиданно рядом со мной оказался сухопарый мужчина, уже нахлобучивший себе на голову шляпу. Он преградил мне путь со словами:

– Постой! Я тебя узнал! Ты вчера забрал у меня кое-что.

– Я вас вижу впервые. Потому ничего взять не мог. Позвольте мне идти отдыхать.

– Вот и вчера ты выражался столь же изысканно, но не постеснялся меня обобрать.

– Повторяю: я не мог вам ничего сделать, ибо впервые вас вижу...

– Врёшь!

При этом выкрике доселе спящий человека поднял голову, ошеломлённо поднялся с ничего не понимающим лицом. Интересно, а кто он? Уж не сообщник ли?..

Мужчина грозно сказал ему:

– А ты стой, где стоишь! Не вмешивайся! Это не твоего ума дело. И всё останется здесь в порядке. А с ним мы сейчас выйдем. Поговорим на улице, всё там выясним.

Я поддержал его:

– Конечно же, идёмте, – согласился я. – Поговорим по-человечески, всё выясним с вами наедине. Зачем же других беспокоить.

Мужчину насторожило моё согласие, он повёл меня, крепко держа за правую руку, готовый в любую минуту помешать мне достать нож, который он разглядел на моём поясе.

Мы вышли.

Я повернулся.

– Ты куда?

– Только закрою дверь.

Он позволил мне сделать это левой рукой, не отпуская

другую на всякий случай. Между тем его приятели приблизились к нам.

– А теперь куда мы пойдём? – осведомился я.

Они оказались несколько озадачены моим спокойствием. Потом показали в сторону группы деревьев. Возможно, это был городской сквер. Там царил почти кромешная тьма, очень подходящая для грабежа и расправы надо мной...

А ещё для реализации моего замысла.

Я пошёл без малейшего сопротивления.

Когда трое бандюганов с решительным видом обступили меня, обхватив за локти и одежду со всех сторон, я отдал мысленный приказ мошкам. К этому времени они неощутимо пробрались под одеждой каждому по ложбине на спине до нижней тыловой части, где происходило раздвоение мягких частей седалища. Потом прилипли, используя атомарные силы сцепления, так что оторвать их было теперь невозможно. Получив указание о начале действия, они выпустили заготовленные жала, выпуская состав, идентичный пчелиному яду. Действие он произвёл соответствующее – бандиты заорали в полный голос и ошалело запрыгали, хватаясь за свои зады.

Я притворно заохал, скрывая насмешку:

– Что с вами? Что с вами случилось? Почему вы кричите? Ну, скажите же, что с вами!

Понятно, что в таком состоянии они вряд ли уловили фальшь в моём голосе. Укусы начались в то время, когда они

находились ко мне лицом. Я их задов достать не мог. Тем более, всех одновременно. Обвинить меня было невозможно. И мои слова должны укрепить их во мнении о моей непричастности. Во всяком случае, такое они никому сказать не смогут, слишком уж нелепой будет выглядеть картина.

– Не знаю, что с вами случилось, – продолжал я, – но я тут больше не останусь! Вы меня сюда завели не с добрыми намерениями. Потому помогать вам не буду. Извините!..

С этими словами я изобразил учтивый поклон, повернулся и ушёл, посмеиваясь про себя.

Актёр я был неважный, но сыграл свою роль так, как смог. По пути к таверне мне пришла мысль, что негодяи могут вернуться, решив отыскать меня. Нужно было предотвратить такое.

Мысленно послал приказ мошкам постепенно уменьшать силу укусов, через минуту прекратить совсем. Но снова начать жалить с нарастающей силой, ежели они станут приближаться к таверне. Мне не хотелось больше иметь с ними дело, я должен отдохнуть спокойно в своей комнате.

Рот хозяина таверны сам собой отвис, когда он увидел меня. Потом появились признаки радости за меня.

Я ему с добродушным видом пояснил:

– Этот добрый человек понял, что он ошибся – принял меня за другого человека.. Извинился и ушёл. Так бывает.

Сорвавшимся от волнения голосом хозяин вызвал мальчика и тот проводил меня в комнату. Она была вполне снос-

ной. Металлическая сетка кровати оказалась тугой, не провисшей, а постель чистой. Я заснул весьма довольный собой, спал крепко, но мне снились тревожные сны.

Когда проснулся, то на кое-что стал смотреть иначе. Обругал себя, что не ушёл сразу же после того, как отправил семью бедолаг в комнату. Тогда ещё к сухопарому соседу не подошли его сообщники и я бы с ним разобрался быстрее и не столь удивительным способом. Вполне вероятно, бандюги что-то в отношении меня заподозрили. Да и хозяин таверны очень сильно был удивлён моим возвращением без видимого внешнего урона. Приятно было, что он этому порадовался. Всё равно это нехорошо, мне нужно вести себя ниже травы и тише воды.

Ушёл из таверны. Побродил по улицам города, наблюдая за началом очередного дня. Забрёл на базар, а там как раз открылась харчевня. Теперь я ведал, какие монеты тут в ходу, и смело заплатил за горячую душистую лепёшку и миску фруктов, похожих по вкусу на виноград и клубнику. Ел с большим удовольствием.

Освободившуюся чашку у меня забрал какой-то оборванец неопределённых лет. Я осчастливив его, сунув вдобавок серебряную монету, которую он тут же крепко зажал в своей руке. И сразу же убежал, словно страшась, что я передумаю и отберу её у него.

Глава 9. Больной фокусник

В стороне, практически на краю базарного торга, я услышал крики, перепалку, словесные угрозы. Любопытство заставило меня отправиться в туда.

Моим глазам предстала непонятная картина. На грубом столе увидел беспорядочно разбросанные невероятно затёртые игральные карты. Усмехнулся, что они практически такие же, как и на Земле. И сие на планете, которая находится за тысячи парсеков! Несколько нахрапистых мужиков наседали на невзрачного старика в поношенной одежде. Он выглядел в их руках просто тряпичной куклой. Лицо его было посеревшим, губы слабо шевелились...

По репликам я понял, что это был бродячий факир, маг, фокусник. Он обещал показать карточные чудеса, его предварительно накормили, так как он сказал, что буквально умирает с голоду, но ничего занятного не показал. Вот зеваки и рассвирепели.

По виду незадачливого фокусника я понял, что он не только очень старый, но и больной. У него явно приступ какой-то болезни. А буяны считают, что он просто притворяется...

Нужно было действовать быстро.

Я пробился к старику:

– Посторонитесь, ему плохо! Очень плохо! Он больной! У него приступ! Разве не видите, он может умереть!

– А тебе какое дело? – рывкнул на меня плотный здоровяк с серьгой в ухе.

– Я его ученик, – соврал я.

Несколько человек загоготали:

– Не многому он тебя сумел научить! Сам этот мошенник ничего не умеет! Только пожрать за чужой счёт горазд!

Тем временем я обхватил руку фокусника. Мои ладони покрывала тончайшая плёнка телесного цвета, совершенно не отличимая от моей кожи. Она была составной частью Пояса Перуна. Он моментально произвёл диагностику и передал мне ментальное сообщение: «Сердечный приступ». Я тут же дал команду на излечение.

Здоровяк с серьгой ощерился:

– Что ты его за руку держишь? Вытащить с того света хочешь?

Я не стал говорить, что он угадал, сам того не зная, но нужно было выгадать время, пока Пояс Перуна обезболивал участок руку и вводил через кожные покровы старика необходимые лекарства. Это происходило совершенно незаметно для окружающих. Знать сие им было вовсе ни к чему.

Высокий, сухой и очень мосластый мужчина склонился надо мной, дыша запахом алкоголя и лука:

– Ты сказал, ты его ученик?

– Да, когда-то он обучал меня карточным фокусам. Очень давно. – Глянул на лицо старика – оно розовело. Бедолага явно приходил в себя. – Он учил меня всяким фокусам. То-

гда я ещё был мальчишкой.

– Ну, раз ты его ученик, то должен отвечать за него.

– А сколько он должен?

– Много, очень много. Не только за съеденное, но и за не увиденное нами зрелище, которое он обещал. Был красноречив, очень красноречив, пока был голоден, а сам же даже карт перетасовать не способен, не говоря о чём-то большем.

Я выпустил руку старого фокусника, ибо сделал всё необходимое. Главное, кризис миновал, он не умрёт. Теперь предстояло вернуть его долги.

Мне пришла идея. Для тренировки взаимодействия с Поясом Перуна мы в Школе демонстрировали и фокусы с картами, у меня тогда они неплохо получались. Выступал на вечерах-капустниках. Конечно же, там собирались все свои, понимали, как всё происходит, но в любом случае наблюдать было интересно. Среди прочих фокусов я показывал и манипуляции с картами. Некоторые выглядели весьма эффектными.

Пообещал толпе:

– Вместо учителя, раз он заболел, простите великодушно, покажу вам фокусы я.

С этими словами принялся собирать карты.

Мосластый издевательски ослабил:

– Запачкаться ими не боишься? Я бы прежде перчатки надел. Га-га-га!..

Я понял прозвучавшую издёвку. Карты были действитель-

но очень уж грязными. Сделал непонимающий вид, между тем дав соответствующую команду Поясу Перуна, переспросил, словно не понимая:

– Обо что я могу запачкаться?

Чтобы окружающие не видели происходящего, накрыл сверху карты другой рукой.

– О то, что твой «учитель» называет картами, – хмыкнул мосластый. – Интересно, на какой помойке он подобрал эту пакость!

– А чем они плохи? – я тянул время, а Пояс Перуна уже закончил своё действие. Теперь каждая карта являлась его частью, как бы продолжением и с каждой у меня был установлен мысленный контакт.

– Грязные очень! Словно бы он подтирался ими в общественном сортире! Или это делал ты?

– Га-га-га! – развеселилась толпа.

Я одним движением, которое у меня обычно неплохо получалось, разложил карты красной рубашкой кверху в ровную полосу, в которой каждая была сдвинута по отношению к предыдущей примерно на один-два сантиметра. Все карты имели совершенно новый вид, будто только что вышли из типографии.

На лица присутствующих стоило посмотреть: все вдруг онемели, глаза полезли из орбит, затем послышались удивлённые реплики.

Я небрежно собрал карты и принялся тасовать. Теперь

уже никто не обращал внимание на старого фокусника, все взгляды оказались прикованы ко мне.

– Давайте проверим вашу память. Кто успел заметить, какого цвета была рубашка карт?

– Красная, это все видели, красная!

Я повторил свой прежнее действие, мгновенно протянув ряд карт на столе. Они лежали рубашками кверху, но теперь уже имели насыщенный синий цвет. Послышалось удивлённое «о-о!».

Здоровяк с серьгой покачал головой:

– Как это ты делаешь? Они же были красными, а стали синими. Как?

Я в это время тасовал карты и поинтересовался:

– Стали синими? – Он кивнул. – Сейчас поглядим...

Разложил полосу с ярко зелёными рубашками карт.

– Вот это настоящий фокусник! – восхищенно пробасил мосластый.

Собрав и снова помешав карты, протянул ему колоду:

– Вынь любую карту, не показывая мне.

Он шершавыми пальцами вытянул одну. Посмотрел и перевёл взгляд на меня.

С максимально невинным видом я поинтересовался:

– А что, лучше семёрки крестей ты ничего не сумел там найти?

– Как ты это узнал? – уставился он на меня. – Ты же не видел!

– Ах, извини, поспешил! Забыл, что фокус должен быть интересным! Давай повторим сначала!..

Мосластый вынул карту из самой середины колоды, посмотрел и глаза его расширились.

Я покачал головой:

– Зачем же ты опять вытащил семёрку крестей? Чем она тебе понравилась, непонятно. Ну, ладно, попробуй ещё раз...

На этот раз мосластый выбирал долго, то примерился выдернуть карту снизу, то ближе к верху, то опять его руку пошла вниз и потянула карту...

Он глянул, его лицо вытянулось, а стоящие люди удивлённо зашумели, глядя на семёрку с крестами.

Я развёл руками:

– Тебе не повезло. Давай дадим шанс другому. – С этими словами протянул колоду его соседу с узенькими усиками под красным носом: – Выбери карту и запомни. Мне не показывай, а другим можно... Теперь положи обратно в колоду.

Он так и сделал. Я потасовал карты и вновь разложил их как прежде в длинную полосу: на этот раз они лежали оранжевой полосой сверху и только одна была перевёрнута – дама червей.

– Это она?

– Да, она самая! – подтвердили мне сразу несколько голов.

Выбирать новую карту я позволил здоровяку с серьгой, уж очень он рвался сделать это. Посмотрел, показал остальным, пряча от меня, положил в колоду. А мне не нужно было смотреть, я и без того ведал, что это был бубновый туз, ведь сам приказал карте стать им.

Тасовал с озабоченным видом, говоря как бы самому себе:
– Сомневаюсь, смогу ли я угадать на сей раз? Даже не знаю... – И расстелил карты рубашками вниз, все карты были бубновыми тузами.

С виноватым видом развёл руками перед здоровяком:
– Даже не знаю, какая карта ваша. Извините...

Послышались голоса:

– Вот это настоящий мастер!

– Как же он это делает?!

– Просто чудеса!

Мосластый в восторге хлопнул по плечу старого фокусника:

– Отличный у тебя ученик! Таких фокусов я никогда не видел.

– И я, – тихо молвил тот.

– А чему же ты его тогда учил?

Я перевёл внимание на себя:

– Учитель обучал меня в самом начале, когда я только начинал этим заниматься, а потом я обучался и у других мастеров. Но благодарную память сохранил, хотя в учениках пробыл недолго.

Обратился к зрителям, собирая карты:

– А теперь самый последний фокус. Пусть желающий выберет любую карту...

Раздались смешки:

– А что там выбирать? Там же одни бубновые тузы.

Я выложил карты в ряд – колода была полной и нормальной: от шестёрок до тузов.

Под новые «охи» и «ахи» собрал карты.

– А теперь самый последний номер! Выбирайте любую карту... Выбрали? Запомнили? Кладите на стол так, чтобы я не видел, какая именно.

Затем я протянул ряд карт от той, что положил зритель. Самую последнюю карту медленным движением поднял, привлекая к ней внимание, перевернул и все увидел бубновую даму.

Удивлённые голоса:

– Но она лежит первой на столе!

– Да, эта карта была положена на стол!

Я обвёл всех глазами:

– Вы точно уверены, что была вытянута бубновая дама и положена на стол?

– Да, да! Мы все видели! Там именно дама с червями!

Я перевернул ту карту, что была вытянута из колоды мужчиной из толпы и уложена на стол: все с изумлением увидели шестёрку крестей.

– Как это так у тебя получилось? Ты даже не касался, мы

же следили за твоими руками!

– Спасибо за внимание, уважаемые зрители! Это и был самый последний фокус.

Раздался хор голосов, умоляющих показать ещё один. Просили столь настойчиво, что пришлось согласиться.

Взял колоду, принялся мешать карты, соображая, что бы такое эффектное придумать?..

Обратился к толпе:

– Сколько в колоде тузов?

– Четыре!

– Вы правы, конечно же, четыре! – с этими словами одну за другой из разных мест колоды выдернул одну за другой четыре карты, укладывая на стол картинками вверх – они все оказались тузами разных мастей.

Я быстро перевернул их и вместо рубашек карт все увидели четырёх тузов крестей.

– Это неправильно! – нахмурился я.

Перевернул все четыре карты – теперь на столе лежали четыре бубновых туза.

– И откуда они только взялись?! – изобразив досаду, с этими словами я раскрыл веером карты оставшейся колоды – там тоже оказались только бубновые тузы. – Что-то всё у меня идёт не так!

Собрал карты, старательно потасовал и разложил в ряд одним движением – теперь взорам предстала вся колода: от шестёрок до тузов всех четырёх мастей.

– А вот теперь всё! – объявил я, собирая карты. – Всем всего хорошего, приятного и радостного в вашей жизни! Сегодня, завтра и всегда! Да будет так!

Публика оказалась совсем неплохой, мосластый с кепкой обошёл присутствующих и ему накидали в неё монет. Затем высыпал их мне в подставленную ладонь. Я подержал их некоторое время, достаточное, чтобы Пояс Перуна превратил мелкие монеты в другие, куда более крупного достоинства. Затем передал их старому фокуснику. Он не хотел брать, но по моему виду понял, что я не отступлю и принял деньги. Ссыпал их в свой потёртый кошелёк.

Тем временем я преобразил карты в обычные, только сделал их заметно новее, чем они были до того, как попали мне в руки. Протянул старику:

– Берите, это мои. Дарю их вам.

Он осмотрел, качнул головой и молча спрятал в карман.

Повёл фокусника по базару, купил ему провизию, расплачиваясь своими деньгами, изготовленными мне Поясом Перуна. Его монеты ему ещё пригодятся. Стали расставаться. Он посмотрел на меня и с сожалением произнёс:

– Жаль, что у меня никогда не было такого ученика.

– Мне нужно было им как-то объяснить своё вмешательство, потому я и назвался вашим учеником. Мне показалось, что так будет проще всего. Извините.

– Вам не за что извиняться, а вот я чувствую себя виноватым. Увы, я далеко не такой хороший фокусник, каким был

когда-то. А уж о вас я и не говорю, это для меня недостижимая вершина. Да и возраст...

– У вас был сердечный приступ, который помешал вам продемонстрировать своё умение. Так уж получилось.

– Сейчас я чувствую себя намного лучше. Даже лучше прежнего, давно не ощущал себя таким здоровым.

– Такое иногда бывает. – Я полез в карман и достал пилюлю, которую мне изготовил Пояс Перуна специально для старика. – Я не только фокусник, как и вы, но ещё и врач. У меня есть очень хорошее лекарство. Я приготовил для своего родственника, но, думаю, вам оно нужнее. А ему я позже приготовлю другое.

Старик осмотрел пилюлю, потом сказал:

– Никогда не видел такой. А от чего она? Или для чего?

– Это панацея. Она от всех болезней сразу.

– Такого не бывает.

– А я такую сделал. Пилюля повышает иммунитет, а он, ваш внутренний лекарь, начинает лечить те болезни, которые у вас имеются. Приводит все функции организма к норме. Кстати, не удивляйтесь, что будете внешне выглядеть заметно моложе. Всё взаимосвязано в организме. Глотайте, не жуйте.

– Странно вы изъясняетесь, многих слов я даже никогда не слышал, несмотря на долгую жизнь.

– Я из очень дальних мест, у нас так говорят. А ряд слов медицинские термины, врачи ими пользуются.

– Понятно...

– Глотайте!

Фокусник так и сделал, глядя прямо в мои глаза, показывая, что верит мне.

Я не стал ему объяснять, что постепенно он значительно омолодится, его функциональные возможности окажутся на уровне сорокалетнего человека. Изменения будут происходить незаметно, на протяжении примерно года.

– Даже не буду вас благодарить. Вы столько для меня сегодня сделали, что я всю оставшуюся жизнь буду ежедневно вспоминать вас и молить бога не оставлять вас без своего попечения и заботы.

– Спасибо, этого мне достаточно. Я сделал не так уж много.

– Вы скромны, как тот герой, который считает, что совершать подвиги – это самое обыденное, будничное дело.

Мы обменялись ещё несколькими такими любезными репликами, потом я спросил:

– Вы куда намерены идти? Я могу проводить вас.

– Наверное, теперь я и сам способен дойти, чувствую себя уже намного бодрее, но не откажусь от вашей помощи. Не скрою, хочется ещё немного пообщаться с вами, такие люди – редкость у нас...

В моей голове сформировался упрёк в свой адрес: «Не слишком ли ты увлёкся демонстрацией своих возможностей, герой? Слишком уж выделяешься, а это совсем лишнее. От

слова совсем. Уймись!..»

– Увы, большая редкость, – между тем продолжал старый фокусник. – А я намерен отправиться в ночлежку. Есть такая на окраине.

Я проводил его до самого входа, благо, идти было недалеко. Там мы навсегда расстались.

Ночлежка – большая старый дом с прохудившейся крышей – действительно находилась почти на окраине города. Это натолкнуло меня на мысль воспользоваться этим. Я прошёл совсем немного и оказался на разбитой дороге, справа от которой находился перелесок. Приблизившись к нему, под деревом заметил тёмный валун. Уселся на него передохнуть. С большей части сторон я оказался укрытым стволом дерева, низкими ветвями и свежими отростками от корней. Виден я был лишь спереди.

Притворяясь глубоко задумчивым, некоторое время оглядывал окрестности. За это время лишь один сельчанин – таковым я счёл его по одежде и влекомой им тележке – прошёл по дороге в город, опасливо поглядывая на меня и передвинув удобнее под руку большой нож на поясе. Видимо, опасаясь, что я могу оказаться лихим человеком, сиречь – разбойником, грабителем. Наверное, вздохнул облегчённо, когда миновал «опасное» место.

Я ж принялся за «разбор полётов»...

После утраты гиссла я оказался в сложнейшей ситуации. Такого ещё не бывало, я войду в историю не только специ-

альных служб, но человеческой цивилизации. Вернее, входят в историю герои, а я влип в неё, вляпался. Аж заскрипел зубами от этой мысли.

Наверное, все обстоятельства потом станут на Земле известными, вроде бы я не слишком виноват: кто же знал, что мне противостоит противник с таким же гислом? Против лома нет приёма! Окромья другого лома. И он нашёлся, чего я ожидать никак не мог. Увы и ах...

«Ломы», сиречь – гисслы, отказались нам повиноваться, и одновременно вышли из игры.

Мысленно я усердно посыпал голову пеплом, а затем сказал себе вслух:

– Всё, хватит! Это уже прошедший день! Нужно смириться с реальностью. Гиссла я потерял. О нём разговор со своими у меня будет позже... Точнее, со мной проведут разговоры. Мне нужно думать, что делать сегодня, сейчас и в ближайшем будущем. Думай!

Занялся гнетущими раздумьями.

Да, я с гислом был почти богом, но у меня остался Пояс Перуна, а с ним я – практически полубог, в сравнении с обычными людьми. Это хорошо.

Тут же остановил себя: «Ямщик, не гони лошадей! Не слишком расслабляйся, легко засветиться и быть обнаруженным именно по этим сверхъестественным возможностям».

Действительно, я почти выказал их в инциденте с тремя грабителями, да и с фокусами я переборщил, тщеславие под-

вело. Слишком уж захотелось покрасоваться, заслужить толику восхищения и прочего. Разумнее было выплатить какую-то сумму денег, которая бы удовлетворила толпу, и тем ограничиться. Теперь же я стал чуть ли не суперзвездой для нескольких десятков зрителей. Они меня запомнили, станут рассказывать обо мне другим, разнесут славу, совсем ненужную мне.

Решил: пора «сменить окраску». Кардинально!

По моей команде Пояс Перуна принял преобразовать меня: пиджак превратился в поношенный плащ грязно-серого цвета, шаровары стали широкими штанами, изменились башмаки, но только внешне, а внутри остались по-прежнему удобными и мягкими. Плащ на плечах вздулся пузырьём, который преобразился в низкую шляпу с пёрышком впереди. Её я нахлобучил на голову.

Тончайшая плёнка толщиной в молекулы, практически невидимая, поползла с шеи на нижнюю часть моего лица. Обычно она брила меня, оставляя предельно короткими волоски. Теперь же нарастила их, превратив в основательную щетину и небольшие усики. Нос изменять не стал, решив, что сделаю это в следующий раз, когда снова стану менять внешность. Решил делать это почаще.

Пояс Перуна претворил комочек своей субстанции в едва видимую стрекозу-разведчицу. Она взмыла в воздух и я через её глаза принялся осматривать окрестности. Вокруг никого не было. Никто не следил за мной. А перемены в моей

внешности происходили практически незаметно со стороны. С камня встанет и пойдёт совсем другой человек, с ним никто не свяжет ни ловкого фокусника, ни щедрого посетителя таверны.

Но на всякий случай я вернулся в город не по той дороге, по которой пришёл сюда, а двинулся через перелесок, наткнулся на низенький дом с огороженным двором. Обошёл его, сопровождаемый лаем собаки. Натуральной собаки! Неужели таких привезли сюда первые поселенцы?..

В той информации, что мне была доступна, таких сведений не имелось.

Далее располагался пустырь, через него тропинка привела к домам жилого квартала. Мимо них прошёл в город, повторяя про себя намеченный план действий: вести себя как можно незаметнее, не привлекая к себе лишнего внимания. Просто живу, попутно получая информацию о происходящем вокруг меня. На Земле только-только начали понимать, что утратили со мною связь. Какое-то время будут ждать от меня вестей. Потом примутся анализировать то, что знают, организуют специальную миссию для розыска меня, но соблюдая ещё большую осторожность, чем прежде. Близки планеты окажутся месяца через полтора-два. Мне к тому времени – даже раньше для страховки – следует с помощью Пояса Перуна создать передатчик сигнала, чтобы известить о себе спасательную команду. Тогда мне ответят, а он тут же известит меня в пределах пары тысяч километров. Значит,

можно его оставить в одном месте, а потом перемещаться в этих пределах. Даже жить в своё удовольствие. Можно считать это своеобразным отпуском, ведь всё равно буду получать информацию, где бы я ни находился и что бы ни делал. Меня же послали без конкретного задания, так что инструкций не нарушу.

Глава 10. Снова арест

Один из парадоксов Ирия заключался в разительных контрастах. Планету окружала настоящая пелена космических станций и аппаратов, а я доселе видел только примитивные селения и убогие города, которые больше походили на земные времён средневековья. При этом здесь имелось телевидение, летательные аппараты, довольно современное оружие. Кто же всё это разрабатывал, выпускал. Должны были быть соответствующие производства. Но где?..

Порасспросив людей, узнал, что всё это сосредоточено в больших мегаполисах. Самый ближний из них – Декорум – находился в паре сотен километров отсюда. Немедленно отправился туда.

Часть пути прошёл пешком. Потом остановился в перелеске, подстрелил птицу лучом бластера, который находился в рукоятке моего ножа. Развёл бездымный костерок, как нас учили в школе. Ощипав тушку, насадил на толстый сук и приладил сбоку от пламени, но так, чтобы доходил жар. Временами поворачивал импровизированный вертел. Примерно через час жаркое было готово. Я неплохо поужинал, подремал в тени деревца.

При последних лучах вечерней зари двинулся в путь. Дождался, пока стемнело, включил режим невидимости на всякий случай и полетел чуть в стороне от дороги, которая, как

я знал, вела в Декорум.

Пояс Перуна не позволял развивать большую скорость, только около семидесяти километров в час. Дул небольшой встречный ветерок, так что полет занял около трёх часов.

Город увидел ещё издали. На горизонте стали расти силуэты угрюмых зданий готической формы. В них светилось лишь небольшое количество окон. Уличное освещение было довольно скромным. В общем Декорум выглядел мрачным.

Признаюсь, что вёл себя беспечно. Ощущал себя таким сверхчеловеком, полубогом. Правда, с Поясом Перуна я таковым и являлся. Но всё же что-то заставило меня провести некоторую разведку, и я заметил, что город сверху накрыт каким-то силовым полем, которое контролирует любое проникновение через него. Так что лететь дальше расхотелось. Мне не нужен шум, огласка. Решил действовать иначе.

Отлетел от города на пару километров и прилёг для отдыха на лужку в стороне от дороги. Применяв известные мне приёмы самовнушения заснул на три часа...

Проснулся свежим, бодрым, полным сил.

Вышел к дороге и зашагал по ней. Минут через пятнадцать вдали показалась автомашина. Я принялся голосовать. Остановился самосвал. Я попросил довезти меня до города, показал монету, лицо водителя подобрело, он распахнул двери...

Через несколько минут водитель высадил меня у входных ворот, ведущих в город, сказав, что никого ввозить в город

не имеет права. Мол, дальше добирайся, как знаешь.

Чуть раньше меня в ворота вошли три человека. По-видимому, муж с женой и маленьким сыном. Я последовал за ними.

Наши шаги отдавались гулким эхом под низкими сводами прохода. Он заканчивался турникетами, которые пропускали по одному человеку. Семья прошла, я – сунулся следом, но турникет вдруг застыл, блокировав меня в тесном пространстве. Сразу с двух сторон выскочили стражники и навели на меня свои лучемёты. Смотрели они очень неприязненно. Под прицелами оружия меня обыскали, забрали нож, деньги, на запястьях застегнули наручники и повели куда-то внутрь.

Краем глаза успел заметить, что только что прошедшие турникет люди остановились и удивлённо смотрели на моё «этапирование». Мальчик спросил:

– Папа, а за что его так? Что он сделал? Его накажут? Поставят в угол?..

Услышав его слова, я усмехнулся. Наказание какое-то, несомненно, последует, но в угол ставить не будут. «А могут ли они меня поставить к стенке?» – мелькнул в голове вопрос.

Я был столь ошеломлён арестом, что первым моим порывом было разорвать наручники – Пояс Перуна помог бы мне в этом! Нож даже отнимать бы не пришлось – он по моему первому зову тут же прилетел бы ко мне и я мог искромсать

всех лучом своего бластера. Но остановил себя, твердя: «Ты же хотел побыть в шкуре обычного гражданина Ирия? Так что испробуй всё, что тебе отмерят на твою долю. Имей выдержку, герой, наломать дров ты всегда успеешь...»

Это несколько умерило моё негодование. Потому я относительно спокойно воспринял последующий допрос. По-видимому, офицер был даже обескуражен моим спокойствием. Он привык совсем к иному.

Худощавый мужчина лет сорока пяти с умным лицом, в его густых волосах я заметил первые ниточки седины, пока ещё немногочисленные. На нём ладно сидела униформа, больше похожая на военную, а на какую-то «техническую», как я её назвал. Он провёл датчиком вокруг меня, приложил его к моей правой ладони и лбу. Тут я начал прозревать. С помощью Пояса Перуна просканировал окрестные помещения, изучил охранную систему, содержимое компьютером и аж застонал, поняв, какую дал промашку...

Оказывается, большей части населения были введены микрочипы-имплантанты в правую ладонь и под кожу лба. Это позволяло контролировать каждого человека в любой части города. Так что эти микрочипы заменяли паспорт, позволяли совершать покупки, различные сделки и оплаты. А я таковых чипов не имел, что было обнаружено при входе в город.

– Фамилия, имя? – приступил к допросу офицер.

– Алексей Акимов, – немедленно ответил я. Эти имя с

фамилией давно были заготовлены мной для контактов.

– В нашей базе данных нет такого имени.

– Вставьте, будет.

– Это шутка?

– Вовсе нет. Можете не вставлять.

– Вы дерзки.

– Просто отвечаю на ваши вопросы, не более того.

– Начнём сначала! Как ваше настоящее имя и фамилия?

– Я назвал их вам – Алексей Акимов.

– Вы выдумали фамилию! Такого человека нет! Его не существует!

– Он перед вами.

Офицер выругался и продолжил:

– Ладно. Продолжим. Ваша профессия?

– Охотник.

– Охотник? И на кого вы охотитесь?

Я замялся. Назвался охотником, особо не раздумывая, а как отвечать теперь? Легко попасть впросак. Выбрал то, что мне показалось наиболее подходящим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.